
18+
ГВОЗДИ В НЕБЕ
ВЛАДИСЛАВ
СОКОЛОВ

Владислав Соколов

Гвозди в небе

«Издательские решения»

Соколов В.

Гвозди в небе / В. Соколов — «Издательские решения»,

Бенни Бединуччи — простой деревенский парень, всю жизнь выращивавший огурцы на плантации в забытой богом Похте. Его мир — это бесконечные грядки, суровые молитвы и железная рука Церкви Первого Дома, отбирающей большую часть урожая.Но однажды инквизиторы забирают его с собой.Бенни попадает в мрачный технократический мир, где церковные своды заменены броневыми плитами, вместо икон — механизированные святые, а вера измеряется послушанием и готовностью умереть.

© Соколов В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 И узрел я свет и был он зеркальным 6
Глава 2 И железная бочка, и шум великий 25
Глава 3 И всякая плоть, вращающаяся в круге 45
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Гвозди в небе

Владислав Соколов

© Владислав Соколов, 2026

ISBN 978-5-0071-3946-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 И узрел я свет и был он зеркальным

Бенни Бединуччи смотрел в зеркало. Из зеркала на него смотрел Бенни Бединуччи. Они долго обменивались взглядами. То призывными, то отталкивающими. Бенни корчил рожи и улыбался себе. Он первый раз увидел зеркало. До этого ему удавалось поглядеть на себя в пруду или реке, или в миске с водой. Но там отражение тряслось и рябило. А тут Бенни предстал перед собой во всей своей красе. Бенни себе нравился. Он надеялся, что отражению он тоже понравился. Они же первый раз встретились.

Бенни вырос в маленьком поселении, где растили в основном модифицированные культуры. На продажу, на еду в большие города. Крупная часть уходила в виде налога в церковь Первого Дома. Что могли жители оставляли себе и продавали. Особо разъедаться было не на что, поэтому Бенни был подтянут и строен. А постоянная физическая работа на плантации огурцов сделала его выносливым.

Семья Бединуччи много лет занималась выращиванием огурцов. Так как церковь отбирала большую часть произведенного, в поселениях жители пришли к разделению продукции, чтобы между собой не конкурировать. В таком случае приезжий был вынужден оставлять деньги у каждой семьи, а не у того, кто лучшую цену предложит. Пару лет назад жители думали объединиться в картель и сбывать продукцию вместе в город, или построить на общие деньги магазин на центральной площади, чтобы делить выручку от продаж между всеми. Даже успели соорудить лавку, где выложили продукты и пару сделок с проезжающими заключить. Правда потом приехали церковники и приказали все разобрать. Да еще и епитимью наложили на всю деревню. Пришлось провести два месяца на хлебе и воде, и кроме обычных трех дневных молитв и одной вечерней службы, молиться каждый час с поклонами. К этому добавился сбор урожая, приходилось молиться прямо в поле, для чего отец Фар, местный настоятель, организовал передвижной алтарь на сервоприводах. Алтарь на своих длинных механических ногах бродил от поля к полю, где останавливался, там и работа вставала, все молились с поклонами. У Бенни потом жутко спина болела. Мало того, что ты целый день скачешь среди зарослей огурцов, безуспешно пытаясь отвернуться от колючих листьев, которые как специально поворачиваются к тебе жесткой стороной, так еще и по двенадцать поклонов каждый час. Пару дней алтарь застрял в овраге, пока отец Фар не вытащил. Жители поначалу не обратили внимания, что алтарь больше не приходит, но работа поглощала намного больше. Отец Фар потом ругался, что ему самому пришлось алтарь вытаскивать из оврага, но он был добрым и отзывчивым человеком, поэтому скоро все забыл. Да и сроки наказания кончились.

Дома у Бенни зеркал не держали. Вернее было одно у бабушки, но она прятала его в сейфе под кроватью, доставала один раз, когда венчалась старшая сестра Бенни, но ему тогда было лет пять, и посмотреть на себя не удалось. А новых зеркал никто и не покупал. Дорогое это было удовольствие. Отец Фар, который до Похты служил в городе, рассказывал, что там зеркала висят просто на улице или в коридоре, и их никто под кроватью не прячет. Бенни всегда удивляла кичливая богатость городов, но он знал о них только по рассказам отца Фара. Из его друзей и родственников в городах никто не был. Отец говорил, что ездил в соседнюю деревню женится, и говорил, что и Бенни в свое время поедет. На этом контакты заканчивались. Когда сестра выходила замуж был только ее жених. Он приехал, сговорился с отцом и отец Фар обвенчал молодых через день. Больше Бенни сестру не видел. Никаких свадебных церемоний не проводили, затратно это. Но Бенни видел, что отец радовался за дочь. Сам Бенни не особо тогда задумывался над такими вещами. Его больше заботили личные детские проблемы.

Бенни отвернулся от зеркала и посмотрел на стол. Когда он впервые го увидел, ему показалось, что это обычный стол из белесого металла, какие обычно привозят торговцы мебелью, периодически посещавшие селение. Такой стол был и дома. Не то чтобы он был очень удоб-

ный, слишком тяжелый по сравнению с пластиковым, но для мастерских и разделочных брали именно такие столы за их долговечность. По столу можно было нечаянно задеть тяжелым механическим ножом, которым отец и старшие братья Бенни нарезали огурцы на продажу или в засолку, и стол даже не царапался. Пластиковый скорее всего разлетелся бы на две части.

Однако этот стол незаметно, но отличался от виденных Бенни ранее. Что-то неуловимое, но явное.

Бенни решил, что задумываться об это все же, если и не его дело, то уж во всяком случае сперва надо помолиться. Из внутреннего кармана он достал переносной молитвослов. Тонкая темная пластинка размером с ладонь удобно легла в руку. Бенни нажал на кнопку и на экране высветился список молитв на все случаи бытейской жизни селянина. Полистав пальцем по экрану, Бенни остановился на молитве о защите сестер, братьев и других близких родственников. Нажал на иконку и пару минут провел сосредоточенно слушая и смотря на священнослужителя на экране. «Посмотреть другую молитву?» — всплыл вопрос. Бенни нажал нет. Он решил, что сердце его достаточно успокоилось, чтобы продолжить изучение стола. Отец Фар был бы доволен его поведением.

Стол был плоским и как-то странно мягким на ощупь. На его поверхности не оставалось царапин. Бенни провел по столу ладонью и увидел карту звездного неба, с отметками в виде кругов, точек, цифр. Хоть он и посещал занятия, не все цифры были ему знакомы. А слова уж тем более. Он растерялся и принял решение вообще ничего не трогать. Но смотреть на стол продолжил. Самыми яркими точками были помеченные словами «Станция Терра» и «Луна-сити». Бенни подумал что это просто для красоты. То, что он принял за настоящую карту, на самом деле просто украшение стола, ведь все знали, что до луны долететь невозможно. Человеку отведена земля и он должен быть благодарен Богу за ее плоды и право ее возделывать. Бенни был благодарен как мог.

Поэтому он не стал более ни на чем задерживаться, да и ничего в комнате другого не было. Зеркало, стол и стул. Бенни был в комнате достаточно долго и на самом деле устал стоять, но он не знал чей это стул и может ли он сесть. Никто не приходил и ничего ему так и не сказал. Его мучила еще пара вопросов личного характера, но воспитание и большой опыт посещения служб закалили терпеливость.

Тут и так было чему удивляться, чтобы тратить время на такие мелочи. К ним в деревню приехали сами инквизиторы. Настоящие. В черных плащах, со знаками. Их вышел встречать сначала отец Фар, а потом и вся деревня сбежалась. Бенни вышел из сарая и ему удалось застать все с самого начала. Отец Фар торжественно поклонился и приветствовал инквизиторов. Те лишь легко склонили головы, скрытые под глубокими капюшонами. Пока служитель говорил проникновенную речь, инквизитор подошел к Бенни, осмотрел его с ног до головы и Бенни услышал фразу «Ты едешь с нами». Времени на сборы и прощания не дали. Бенни лишь махнул семье, увидел суровое лицо отца и плачущую мать. Что значил интерес инквизиторов к его персоне, для Бенни осталось загадкой. Поживи он чуть дольше, он бы знал, что иногда инквизиция забирала из деревни молодежь. Это считалось большим повышением и даже, как думали местные, давало шанс жить в городе. Но это никогда не обсуждалось. Бенни понял, что все за него рады и просто пошел в сторону машины инквизиции. Как только он влез в дверь и сел на скамью, один из служителей воткнул шприц Бенни в руку и тот перестал ощущать происходящее.

Очнулся Бенни уже в комнате с зеркалом, столом и стулом.

Делать было совершенно нечего. Комнату Бенни осмотрел, стол ощупал, с зеркалом наигрался. Бенни решил, что стоит еще раз помолиться. Он выбрал молитву, посвященную началу пути, и сел на стул. Какое-то время он так и сидел, держа на ладони молитвослов и слушая. Ситуация не менялась. Бенни не привык так долго сидеть без дела и откровенно не знал чем себя занять. Он еще раз осмотрел комнату, стол, походил вокруг стула. Подошел к зеркалу.

Ничего не поменялось. Тогда Бенни решил, что его задача — терпеливо ждать. Ему показалось, что это одно из испытаний, которые посылает Бог, чтобы проверить дух Бенни.

Дух у Бенни был крепок, ведь его крепость воспитывалась ремнем и розгами отца Фара на занятиях. Сидеть и ждать Бенни умел. Чем он и занялся.

Свет в комнате не менялся. Темнее не становилось. Бенни полностью потерял чувство времени. Он просто сидел на стуле, повторяя про себя по кругу те молитвы, которые отец Фар вбил в его голову на занятиях. Молитв было немного и Бенни уже повторял их по десятому или одиннадцатому разу. Со счета он сбился. Вокруг ничего не менялось.

Вдруг он услышал тихое шипение. Часть стены потемнела и стала исчезать. Бенни посмотрел на появившийся проем и перестал повторять молитву об увеселении на праздниках. Вряд ли она подходила случаю, но, как неоднократно повторяла бабушка, лучше прочесть молитву, чем не прочесть.

В комнату вошел человек. Одет он был неожиданно. В деревне так не одевались. Не одевались так и приезжие, которые покупали огурцы на площади. На незнакомце были черные штаны, обтягивающие ноги и такого же цвета куртка. На передней стороне куртки Бенни разглядел несколько карманов. Незнакомец смотрел на Бенни. Бенни в свою очередь смотрел на незнакомца. Спустя несколько минут Бенни решил, что пялиться на незнакомца невежливо. Он встал и поклонился, но заговорить первым не решился. Статус был не понятен, и как обращаться тоже было неясно. Бенни молчал. Незнакомец тоже молчал.

Затем он вышел в проем стены и она вновь стала белой. Бенни снова сел на стул и стал молится.

***

Сидя на стуле Бенни заснул. Опыт долгого сидения на службах в деревенской церкви позволял ему спать в любом состоянии, в том числе стоя, и, возможно, с открытыми глазами. Но в последнем своем умении он был не очень уверен.

Проснувшись Бенни обнаружил, что его волнуют в первую очередь две человеческие потребности. Еще не открывая глаза он сидел и думал, как эту проблему решить в пустой комнате, чтобы избежать некрасивой ситуации. Открыв глаза Бенни обнаружил перед собой на столе аккуратно сложенную одежду. На одежде лежала записка: «Переодеться и привести себя в порядок».

Бенни поднял голову и увидел очередной проем в стене. В отличие от предыдущего раза проем был светлым и через него виднелась раковина и кран. Поддавшись своим потребностям Бенни прошел в проем.

Через несколько минут он был готов. Выданный ему костюм оказался комбинезоном без швов и карманов. Впереди он застегивался на странный механизм совмещающихся при помощи специальной головки зубцов. Бенни натянул комбинезон на себя и застегнул. Он приятно холодил кожу и крепко облегал тело.

С привычным уже шипением проем закрылся. Бенни вновь остался в пустой комнате. Через секунду он понял, что свою одежду он оставил в соседнем помещении. Единственное, что он оставил в руках — это молитвослов. Бенни не знал куда его положить, поэтому просто держал в руке. Наступило время утренней молитвы и молитвослов автоматически включил звук громче. Бенни был раздосадован, что отвлекся и пропустил наступление заутрени. Сегодня транслировали службу из неизвестного храма. Обычно в деревне показывали заутреню из соседнего крупного города, всегда из одного и того же храма. За много лет просмотра Бенни наизусть выучил все происходящее, обстановку в храме, отточенные повторяющиеся движения служителей, неизменно каменные лица стоящих в затемненных нишах инквизиторов. Новая служба увлекла Бенни и он усердно повторял знакомые слова молитв и песнопений.

Как только служба закончилась в стене открылся проем за которым стоял человек в таком же как у Бенни комбинезоне. Он отличался только синими полосками на груди и плечах.

Человек знаками предложил Бенни следовать за ним.

Вдвоем они прошли по белому коридору, в котором к своему удивлению Бенни не обнаружил ни одного видимого светильника. Никаких дверей или поворотов в коридоре тоже не было.

Бенни потерялся во времени совсем и перестал ощущать расстояние.

Неожиданно коридор прекратился и Бенни со спутником оказались на вершине горы. Перед ними шли несколько таких же пар. Человек в сером комбинезоне и человек в комбинезоне с синими линиями. Они следовали на расстоянии нескольких метров друг от друга. Присоединившись к процессии Бенни увидел, что тропинка проходит вдоль обрыва. Ему еще не приходилось забираться так высоко в горы. Но страха он не испытывал. Внизу простирался огромный город и Бенни больше был поражен его величием и размером, нежели опасностью упасть в пропасть. Хотя стоило только оступиться или шагнуть чуть в сторону и он сорвался бы вниз. Город внизу был огромен. Высокие дома и массивные церкви все были увенчаны крестами. На самых больших домах виднелись изображения святых. Бенни узнал некоторых из них: святого Вацлава-огнеборца, святого Александра-предвестника. Их лики висели в деревенской церкви. Остальные изображения были незнакомы, но все равно вызывали в Бенни душевный трепет. Чтобы привести в порядок мысли, он решил прочитать молитву о защите идущих вперед и путников. Молитва полностью поглотила его. Он шел, стараясь ступать след в след со своим проводником, продолжая читать слова молитвы про себя, но все же не мог отвести взгляд от величественного города. Бенни был смущен тем, что не мог перебороть свой интерес. Он собрался, припомнил слова молитвы об отведении соблазнов и отвернулся от города. Бенни стал смотреть себе под ноги и просто пошел вперед.

Процессия добралась до одноэтажного кубического дома, стоявшего на самом краю обрыва. Точнее Бенни показалось, что здание просто висит над обрывом. На удивление здание оказалось полностью сделанным из железа. Бенни был удивлен такой бессмысленной тратой ресурсов, но проявлять свое настроение не решился.

Люди в серых комбинезонах проследовали в здание. Остальные развернулись и собрались поодаль. Внутри Бенни обнаружил ряды сидений снабженных ремнями, которые застегивались особым способом впереди. Ремни крепко прижимали тело сидящего к креслу. Как только все расселись по рядам прошел один из провожатых и самостоятельно проверил застежки и крепления ремней.

Затем они остались одни. Дверь здания закрылась и в помещении стало совсем темно. Бенни постепенно привыкал к темноте, но разглядеть даже сидящего рядом ему не удавалось. Он продолжал повторять про себя молитвы, одну за другой.

Вдруг он понял что они падают. «Неужели здание сорвалось со скалы?» — пронеслось у него в голове. Он услышал панические крики сидящих рядом. Через мгновение Бенни радовался, что он так давно ничего не ел. Его желудок пытался покинуть тело. На секунду включился свет и Бенни увидел скорченные, испуганные лица своих соседей, еще сильнее почувствовал их боль и страх. Многие корчились, рыдали, пытались снять ремни. Свет погас и все они очутились в безумной какофонии звуков, шума, криков и плача. Бенни было страшно. Во весь голос он истошно заорал молитву спасения. Отец Фар не раз повторял, что каждый должен знать эту молитву настолько, чтобы быть готовым прочесть ее в любой ситуации. Он не раз проводил специальные учения, заставляя своих молодых подопечных читать молитву привязанными вниз головой, качающимися на веревке, пытающимися выплыть из холодного течения реки. Бенни кричал и кричал слова в темноте. Было ужасно. Свет опять включился и Бенни увидел, что трое человек освободились от ремней и парят в воздухе, словно святые ангелы, занятые бесплодными попытками зацепиться за спинки кресел. Бенни пел.

Падение резко прекратилось. Бенни услышал слева от себя неприятный хруст костей. Кто-то неудачно приземлился. Бенни замолк.

Однажды деревенские ребята лазили на склад ради развлечения и острых ощущений. Бенни тогда завалило мешками и он самостоятельно не смог выбраться. Так он и пролежал несколько часов, пока его не хватились родственники и не допытались у ребят, где он. Попало ему тогда очень сильно. Наказание запомнилось ему на всю жизнь. Примерно такое же чувство безысходности и обездвиженности навалилось на него и сейчас. Он не мог даже открыть рот, чтобы произнести хоть слово. Крики и стоны затихли. Слышалось только напряженное дыхание. Невозможно было пошевелить даже пальцем. Тяжесть росла. Стало тяжело дышать. Бенни оставалось только молится. Он решил, что теперь смерть точно наступит.

Затем снова наступило падение. Сил у Бенни не осталось. Он мог только закрыть глаза и стараться просто дышать. Падение перемежалось весом абсолютно неожиданно. Люди вокруг кричали и стонали. Периодически раздавался хруст. Кто-то плакал навзрыд. Свет то включался ярко, то снова отключался, то просто мерцал, раздражая глаза. Бенни потерял сознание.

Его трясли за плечо. Бенни очнулся. Его мутило, в глазах плавали черные точки, во рту пересохло. Человек в сером костюме внимательно посмотрел на него, затем приложил к его голове черную холодную коробку и внимательно посмотрел на нее. Что там было видно Бенни не понял. Соображал он с трудом. Увиденное удовлетворила человека в сером костюме и он отстегнув ремни перешел к следующему справа. Бенни съехал на пол как мешок с огурцами. Человек посмотрел на него и махнул в сторону светлого проема, оказавшегося выходом из здания. Бенни постарался ползти в указанную строну. Вокруг него проходили люди, осматривали сидящих в креслах. Некоторых также отстегнули и они либо безвольно валялись на полу, либо пытались двигаться. Бенни и еще двое упрямо ползли к выходу.

Перевалившись за порог Бенни смог вдохнуть полной грудью, отозвавшейся болью в ребрах. Он привалился к стене в полусидящем положении и просто дышал. Постепенно из проема выползали один за другим остальные участники пытки. Теперь Бенни был точно уверен, что это истязание для тела, чтобы закалить дух. Иного объяснения у него не возникло. Бенни принимал как должное все происходящее с ним. Он решил, что такова цена жизни в городе. В этом огромном прекрасном городе могут жить только крепкие духом люди, которые прошли все приготовленные для них испытания. Придя к этой мысли, Бенни для себя твердо решил со всем справиться, чтобы хотя бы взглянуть на город, попробовать стать его частью. Частью места, где зеркала висят прямо на улицах.

К ним, пережившим испытание, подошел один из служителей. Для себя Бенни решил называть их именно служителями, ибо только праведные служители могли быть проводниками испытаний, посланными Церковью Первого дома. Служитель знаками приказал двигаться за ним. Превозмогая боль в ногах, под стоны окружающих Бенни поднялся и пошел по тропинке обратно. Они двигались вдоль отвесной скалы. Через равные расстояния в камне появлялись светлые проемы. Служитель направлял в них одного из идущих, и они скрывались в светлых коридорах.

В один из них направили и Бенни. Коридор привел его в комнату в которой была достаточно мягкая лежанка. Была и вторая комната, где можно было умыться и привести себя в порядок.

На столе Бенни обнаружил тарелку с едой и воду.

Через несколько минут он, помолившись, спал.

***

Под первые звуки утренней службы, раздававшиеся из молитвослова, который Бенни так и не выпустил из рук, он проснулся. Принятое вчера решение придало ему эмоциональных сил, однако на состояние тела никак не повлияло. Мышцы ныли, ноги и руки отказывались сгибаться, в ушах раздавался звон каждый раз, когда Бенни моргал. Однако это не помешало ему еще раз увлеченно посмотреть службу. Он упрямо повторял про себя знакомые молитвы,

пытаясь подготовиться к очередным испытаниям, которые, а он был в этом уверен, готовили служители. Желание побывать в том величественном городе подстегивало его.

После окончания службы Бенни обратил внимание на стоявший посреди комнаты стол. На нем лежал белый бумажный конверт. Однажды он уже видел такой конверт, когда отцу Фару пришло настоящее письмо от его знакомого. Письмо тогда доставил почтальон на автомобиле. Священник проводил занятия в поле с детьми, поэтому почтальону пришлось ждать. Бенни, который в это время дежурил на площади на случай приезда покупателей, удалось в подробностях рассмотреть его красивую синюю форму. Потом отец Фар показывал детям и всем желающим конверт и рассказывал, что при помощи почтовой службы люди могут общаться друг с другом на расстоянии. Но бумажные письма были дорогим удовольствием. Чаще всего таким образом отправляли официальные сообщения, уведомления. Но Бенни никаких важных постов не занимал, да и богатых знакомых у него не было. У него вообще не было знакомых вне деревни, поэтому писем он не получал и не писал. Да и ни у кого не было.

Бенни подошел к столу и аккуратно приподнял конверт. Он был легким и мягким на ощупь. Бенни раскрыл конверт и вытащил сложенный вдвое белый лист бумаги. На листе он увидел написанные удивительно ровным почерком черные буквы: «Инструкция, выполнить незамедлительно». Бенни принялся внимательно читать. Первый раз в жизни он держал в руках письмо, адресованное лично ему. Кто-то незнакомый лично для него, для Бенни Бединуччи, писал эти красивые слова. Бенни решил читать все очень медленно, чтобы прочувствовать удовольствие от письма, понять, как это быть адресатом для далекого тебе человека.

Инструкция гласила:

1. Прочите молитву о спасении души.
2. Повторите молитву стоя на одной ноге.
3. Постарайтесь встать на руки и перечислить максимальное количество святых, которых вы знаете.
4. Вспомните и произнесите вслух все известные вам названия овощей.
5. Сделайте тридцать приседаний.
6. Перечислите все известные вам злаковые культуры и способы их хранения прыгая на одной ноге.
7. Тридцать раз хлопните в ладоши.
8. Нарисуйте уши слона.
9. Не выполняйте пункты со второго по восьмой.
10. Максимально быстро выйдете в коридор.

Бенни взял в одну руку молитвослов, который перед этим положил на стол, в другой он зажал письмо вместе с конвертом и, читая молитву о спасении души, бросился вон из комнаты.

За его спиной проем в стене мгновенно исчез. Выбора не было. Бенни пошел по светлому коридору, в котором не было ламп освещения вперед. Шел он недолго. Коридор привел его в просторное помещение, в котором стояли скамьи из незнакомого материала. Материал был похож на тот, из которого был сделан стол в комнате, где Бенни провел два дня. Он увидел над одной из скамеек табличку, которая висела ничем не закрепленная в воздухе. На табличке было написано «Бединуччи Б.». Бенни понял, что ему нужно занять это место. Он уселся на скамью, аккуратно сложил лист с инструкцией и убрал в конверт. Бенни решил сохранить письмо. Неизвестно получит ли он когда-нибудь еще одно письмо. Бенни сидел и смотрел по сторонам. Над скамьями то и дело возникали новые и новые таблички с именами. С разных сторон входили молодые люди в серых, таких же как у Бенни, комбинезонах и рассаживались по местам. Постепенно зал наполнился. Последний из пришедших вынужден был проталкиваться между скамьями, задевая ноги остальных. Как только он сел в зале стало очень тихо. Никто не решался пошевелиться или заговорить с соседом.

Так они просидели какое-то время. Бенни вспомнил лежащую в конверте инструкцию и тихонько начал читать молитву о спасении души. Через некоторое время он услышал, что сидящий слева поддерживает его молитву в полголоса. Затем к нему присоединился еще кто-то. Постепенно к чтению подключались остальные один за другим. Молитва захватила весь зал. Звук отражался от стен, пронизывал все тело, придавал сил. Вдруг в стене перед ними открылся проем и из него вышел священник в торжественном облачении.

За мгновение зал замолк.

— Склоните головы, — священно служитель говорил тихо, но убедительно. Его голос слышался со всех сторон, каждое слово было понятно. — помолимся.

— Наша жизнь, наши устои и наша вера в опасности. Раньше вы этого не знали. Не каждому дано знать истинное положение вещей. Вы были избранны святой инквизицией, чтобы стать проводниками веры на самых отдаленных участках. Своей кровью защищать ее от посягательств неверных. Вы прошли ряд испытаний. Немногим удалось их выдержать. Высшие иерархи Церкви Первого дома возлагают на вас большие надежды. Я сам верю в вас, собранных здесь. Вы станете клинком веры, пронизывающим пространство, отстаивающим постулаты священных книг, — священник на мгновение прервался, чтобы перевести дух.

— Перед вами открывается истинный пусть. Вас будут учить. Ваше тело будет испытано, а дух закален. Вы сможете отдать свою жизнь за Церковь Первого дома и Великого Вседержителя. Вы будете следовать заветам святителя Чернова и как Вацлав-огнеборец будете нести свет Веры.

В наступившей тишине Бенни даже боялся думать или просто моргнуть.

— Не все, но самые достойные из вас станут скитариями, оруженосцами рыцарей Церкви Первого дома и прольют свою кровь за веру. Помолимся.

Бенни был поражен. Всю его жизнь истории о рыцарях Веры, пронизывающих пустоту, поражающих неверных, несущих светоч знания и праведности, казались ему сказкой. Он с удовольствием слушал эти рассказы летними вечерами. Взрослые смеялись и называли их небылицами. Мальчишки играли в рыцарей, делая себе деревянные мечи и щиты, сражались друг с другом. Отцы и матери смотрели на них с улыбкой. Такие игры могли позволить себе лишь совсем малыши. Остальные уже несли какие-либо семейные обязанности. Рыцари. Закованные в броню, украшенную красочными гербами, без сомнения сражающиеся под стягом Церкви. Они манили мысли Бенни. Неужели все эти легенды оказались правдой?

— На ближайшее время ваши инструкции таковы, продолжил священник. — вас разделят на группы по пять человек. Есть, жить, заниматься вы будете все вместе впятером. За каждой пятеркой будет закреплен архидиакон. Слушайте его указания и выполняйте их без сомнения. Многие вещи будут вам незнакомы, многое вам будет сложно осознать. Не нужно бояться спрашивать обо всем непонятном у своих наставников. А теперь, с благословения Патриаха, вас ждет торжественный обед.

Священник развернулся и прошел в образовавшийся широкий проем, через который могли проехать несколько автомобилей. Все молодые люди, не торопясь, удивленные, озабоченные, двинулись за ним.

Они прошли в громадный зал с высоким куполом. Под куполом были изображены лики святых. В зале были накрыты столы. Над каждым стулом в воздухе висела именная табличка. Бенни занял свое место. Перед ним стояло несколько тарелок с мясом, овощами, фруктами. Бенни не решился начать первым. На возвышении в центре появился священник. «Ешьте» — произнес он. Бенни начал молитву, которую в его семье принято было читать по праздничным дням. Посмотрев на него, соседи присоединились к молитве.

А потом Бенни стал есть. О как он ел. Конечно культурно, потому что бабушка за плохое поведение за столом могла и половником приложить. Поэтому локтями не елозил и спину не гнул, но ложка так и летала туда-сюда. Кто его знает, что будет завтра, а такого питания может

никогда и не быть. Во всяком случае, раньше точно не было. Большинство блюд на столе даже сравнить было не с чем. Дома в приоритете были, само собой, огурцы. Вещь питательная, спору нет. Два три огурца содержат набор витаминов и питательных веществ для взрослого человека на целый день, а еще это незаменимый источник жидкости. Без жидкости человек и умереть может, поэтому огурец в дороге лучшее средство. Вы берите, не пожалеете ни разу. У нас они смотрите какие, большие, на солнечной стороне растут. И храниться будут долго. Бенни мог прокрутить в голове все слова и виртуозные увещевания, которыми он умудрялся продавать товар проезжим или торговцам. Он растил огурцы всю жизнь. Он ел огурцы всю жизнь. Он их любил даже как мог. Потому что надо любить то, что тебе дано. Но, то что стояло на столе Бенни полюбил мгновенно и сильно. Мясо с подливой большими кусками, сочное, перемешанное с красными и желтыми овощами. На вкус острое и волокнистое, так что жевать надо было с усилием. Мелкая зеленоватая крупа с пряностями политая белым соусом и украшенная мелкими, резкими на вкус, горьковатыми листочками. Отдельная собственная миска и того и того. Большие зеленые перцы, фаршированные белыми зернышками и еще каким-то мясом. Бенни успел ухватить один, о чем несколько пожалел. Надо было хватать сначала, а потом есть. На большой плоской тарелке лежали порезанные овощи. Перцы, помидоры, огурцы, и еще несколько неизвестных. Огурцы были хуже домашних, определенно. Но вкусовая буря не дала Бенни возможности предаться ностальгии. А еще там был сыр. Вот прям лежал кубиками порезанный, целая тарелка. И прям руку протяни. Бенни, конечно, протянул. Он знал сыр и искренне его любил. Ему обязательно доставался кусок сыра раз в месяц. А однажды он сам купил головку сыра у торговца. Мать потом ругалась, потому что посылала его за новыми штанами. Но можно и с дыркой на коленке походить, зато сыр. Половину сыра он тогда честно отдал матери, а половину умял сам. Признавая свою жадность, в лесочке, он молился о прощении и ел. А наглую Бенни сгреб весь сыр, понимая, что надо быть первым.

Обжорство захватило не только его. Все участники пиршества боролись с удивлением и желанием обобрать соседей, хоть и греховная это была мысль. Но столько еды, да еще такой вкусной, яркой, притягательной. Только присутствие служителей во главе зала не давало начаться откровенным перепалкам. Сражения происходили в полной тишине. Юноши пучили друг на друга глаза, скрипели зубами, краснели, шипели и всеми беззвучными способами угрожали. Нарушить тишину не решился никто. Страх перед инквизиторами, служителями церкви въелся в них. Постепенно все мероприятие стало походить на большую церковную службу, когда взрослые степенно сидят и ждут, когда уже можно будет пойти распить немного хвойной настойки. А дети пытаются поддеть соседа, чтобы тот погромче пискнул и на него наложили наказание на всю неделю. Но все опытные, поэтому ни звука, ни шелеста.

В итоге все миски были выскреблены до последней крошки. Еда кончилась. Таким сытым Бенни себя никогда не чувствовал. Он сидел, ощущал во рту жирное мясное послевкусие. Ничего и никуда уже не хотел. Это было питательное счастье. Момент, ради которого стоило жить. Минуты радости. Бенни хотел запомнить каждую. Потом он будет рассказывать про это своим домочадцам. Он представлял зависть старших братьев и сестер. Как бабушка скажет «ой, не верю, все ты придумал, выдумщик». И отец вздохнет, махнет рукой, плеснет по-тихому в стакан хвойной настойки для сына. Повеселил мол, хвалю.

Вдоль рядов везли с позвякиваем этажерки на маленьких колесиках. На них нужно было ставить грязную посуду. А взамен выдавали что-то новое. Когда настала очередь Бенни, он подал аккуратно сложенные тарелки и миски. А перед ним поставили чашку и маленькую тарелочку с ярким треугольным куском.

В чашке был настоящий чай. Желтого цвета, с пряным терпким запахом и крупными черными чаинками. Бенни был в восторге. Чай берегли, стоил он дорого. И обычно детям доставалась четвертая или пятая заварка, когда кипяток только чуть подкрашивался и обретал запах. Чай Бенни любил. А этот был необычный, с кислинкой. Бенни сделал маленький гло-

ток, покрутил чай во рту, не думая об обиженном языке. Рядом с треугольником на маленькой тарелочке лежала маленькая ложка. Детская что ли, подумал Бенни. Но другой не было. Треугольник был на разрезе слоистым, белые и оранжевые полосы. Спокойствие и пламя, цвета святых, догадался Бенни. Он аккуратно отковырял ложечкой кусочек и взял его в рот.

Это было безумно вкусно. Сладко, как мед, кусочек просто таял на языке. Нежный, воздушный, он одновременно напоминал и грибы и орехи и мятые ягоды, но он был сладким. Мед, ворованный у лесных пчел с боями и постоянной опасностью быть покусанным, таким сладким не был. А ощущения от кусочка были такие, что Бенни захотелось плакать от счастья и захватившей его эйфории. Он не пытался даже гадать, чем таким хорошим он, простой мальчишка, всю жизнь растивший огурцы и несколько раз прогулявший службу, о чем сейчас Бенни искренне сожалел. В носу защипало и слезы потекли из глаз. Он хмыкнул, утер глаза рукавом и доел. Вокруг многие шмыгали носом. Ошарашенный, переполненный эмоционально Бенни сидел, держал в руках теплую чашку и вообще не думал.

В рядах началось какое-то шевеление. Бенни увидел свое имя на табличке над одним из появившихся проемов. Он двинулся туда. По пути он увидел еще четверых молодых людей, двигавшихся параллельно с ним.

Подойдя к табличке они увидели одноглазого седого человека.

Бойцы, стройсь! Я архидиакон Морис. И мне выпало бремя во имя всех святых и самого Всевеликого стать пастырем этой пятерки заблудших агнцев божих. Или вы станете скитариями или умрете пытаясь. А теперь гуськом построились и за мной!

***

Все утро Бенни рассматривал своих соседей по комнате. Вчера они познакомились с архидиаконом Морисом, который объявил, что впереди их ждут постоянные занятия, обучение и испытания для тела и духа. В этот момент Бенни предался воспоминаниям о треугольной сладости, в результате чело преисполнился надеждами, что испытания вполне могут вести еще к одной порции.

Морис провел их по коридорам легкой трусцой, что в целом помогало прийти в себя после восхитительного ужина. По пути он очень доходчиво и быстро говорил о грядущих сложностях. Его речь напоминала воспитательные беседы отца Фара, когда он вечерами собирал юношей и девушек в церкви и проводил уроки общения. В основном он говорил, что с десяти лет неугодное дело вместе в реке купаться и по лесу бегать. Но его речи перемежались интересными историями из жизни святых и его собственной, потому что он был миссионером и даже путешествовал, пока возраст и какие-то сложные события не привели его в деревню. Какие именно события он никогда не пояснял, но Бенни они всегда казались настолько запутанными, смешивались с похождениями святых. И толи отец Фар действительно бился с кем-то, толи его речи после трудового дня путались в голове, все это формировало образ таинственности. Бенни нравился отец Фар, строгий и честный, с редкой седой бородой и в очках. Поэтому с архидиаконом юноша внутренне несколько сроднился.

Морис выдал ребятам нашивки, которыми обозначался их маленький взвод. На нашивках был изображен голубой лев. Морис пояснил, что это заслуженный лично им в бою символ и его отделение так и называется «Голубые львы». Потому что в архидиаконы попадают только лучшие из лучших, доказавшие свою стойкость и опыт, пояснил он. Знак льва перешел ему от его первого рыцаря, которого он сопровождал в боях, Ульриха Звездочета. А голубой цвет означал личную преданность. Именно под началом сэра Ульриха Морис потерял свой глаз. Он показал и серый металлический осколок, который оставил себе на память.

Одноглазый лев, так меня звали, — Морис делился историей своей жизни, — этот ошметок я своими руками вырвал из собственного глаза и продолжил бой. Многих, многих врагов нашей Веры мне удалось достать. Славные были времена. В награду мне достались такие как

вы, деревенские оболтусы. Что вы в жизни видели? Траву косили, да грибы собирали. Но я из вас сделаю бойцов. Вы еще будете служить Церкви Первого дома, не посмеете посрамить «Голубых львов». Не дам я вам спуску. И не надейтесь. Вам дали такую возможность. Да. Повезло.

В этот момент Морис демонстративно повернулся к взводу здоровым глазом и утер слезу рукавом. Кто-то проникся и тоже всхлипнул.

— Впрочем, когда-то и мне повезло — продолжил наставник, внезапно остановившись, так что Бенни чуть не налетел на впередиидущего, — И меня также воспитывал архидиакон. Ох, и хорош он был. Такой крепкой руки не было ни у кого. Мог так вмазать за провинность, что всех святых поминешь. Ах, Аврелий, прошли твои годы. А вы не расслабляйтесь. И хватит по сторонам глазеть!

Морис снова рванул с места и правда не дал им глазеть по сторонам, хотя они проходили через какой-то зал с большими светящимися экранами. За каждым экраном стояли несколько человек и смотрели на них очень внимательно. Что они там разглядывали Бенни никак не мог понять, строчки были заполнены символами разных цветов, и, хотя он неплохо читал, символы были незнакомы, узнавались только цифры и их было очень много.

Короткая ознакомительная экскурсия, на которой и смотреть было некуда, закончилась долгим и тяжелым бегом по пересеченной местности. «Уставшее тело не дает рождаться вредным мыслям!» — декламировал архидиакон в очередной раз неожиданно появившись из-за дерева. Бенни откровенно недоумевал каким образом наставнику удавалось так быстро следовать за бегущими. Его неожиданные появления не давали возможности сбавить темп и хотя бы отдышаться. Пробегав так часа два, изнемогая от усталости Бенни, угрюмо и досконально изучивший затылок соседа, по команде «стой» готов был свалиться и умереть. Вся эта беготня напоминала большой сбор урожая, но даже там можно было минутку другую профилонить прячась между грядками. Красные, вспотевшие и шумнодышавшие ребята стояли на негнущихся ногах. А архидиакон, казалось, и не дышал вовсе. Он ухмыльнулся и начал делать приседания со взмахами руками. Со стонами взвод присоединился даже без команды. После двадцатого приседания ноги Бенни тряслись, а в голове шкворчало, как масло на сковородке. Когда сосед справа на очередном подходе рухнул на землю, архидиакон сжалился. Приказал страдальцу прикинуться мертвым, а Бенни и еще одному доставить раненного на базу. При этом за каждое шевеление мертвому доставалось стеком по разным местам, от чего он дергался. Из-за чего был один раз уронен на землю совершенно случайно и один раз совершенно осознанно, потому что сучил ногами. Замученные донельзя ребята дотащили притихшую жертву оздоровительной физкультуры до входа в корпус и хотели было уже с облегчением бросить. Но архидиакон применил упреждающий вопль «команды не было, тащите». По коридору идти с ношей было неудобно, но через пару ударов головой об стены, команда сформировалась и раненного потащили крестом, держа за ноги и за плечи. Как минимум его голова больше не встречала препятствий, так как охранялась по бокам, а торчащие сзади пыльные ботинки, которыми замыкающие усиленно пристрастились размахивать, держали руководство, явно не желающее пачкать одеяние, на почтительном расстоянии. По итогу все это мельтешение показалось забавным и здорово развеселило всех участников, не смотря на пару шишек на разных выпирающих из тела местах.

Оказавшись во взводной комнате, команда так и замерла посредине, наученная горьким опытом не совершать действий без приказа. Небольшое построение с парой тычков научило ставить ноги вместе носок к носку, после чего последовали семиминутные помывочные мероприятия, одновременно с застиранием и развешиванием формы в нужном наставнику и святым покровителям порядке. Небольшая путаница с нижним бельем, которое было одинакового темно-синего цвета без указания размера внесла свою лепту в эмоциональное состояние новобранцев и, разобравшись при помощи Мориса и получив наставления о правилах хранения

вещей, все притихли. Архидиакон прочитал молитву во славу дням учения, пошевелил усами и покинул комнату. Вместе с ним пропал и свет, поэтому решать где чья кровать пришлось в темноте и на ощупь. Понатыкавшись друг на друга, углы и стены, ребята наконец забились под одеяла. Бенни не имел никаких сил даже подумать и подвести итоги дня, чтобы перед сном, как учила бабушка, воздать хвалу Всесоздателю за очередной день. Он просто очень долго моргнул.

А когда снова ощутил свое сознание, сквозь веки лился яркий свет, кто-то от души лупил в сагаты так, что казалось это происходит прямо в ухе. Бенни резко вскочил с кровати и тело пояснило, что вчерашние физические приключения не прошли даром и сегодня будут несколько настойчиво и неприятно мстить.

Бенни оглядел комнату. Она была намного больше той части дома, где он жил с сестрами и братьями, хотя тут было всего пять человек, а не десяток вечно цапающихся родственников. Комната была вытянута в длину и, как в данный момент пояснял архидиакон Морис была просторна и снабжена всеми необходимыми техническими, физическими и санитарными приспособлениями для пребывания, обучения и отдыха взвода из пяти человек.

Разные зоны комнаты были обозначены линиями на полу и это означало, что спать можно только в первой зоне, а учиться во второй. Кровати были ближе к двери, чтобы быстрее было собираться и выходить в случае опасности, пояснил наставник. В голову Бенни закрались крамольные подозрения, что именно утрене появление Мориса и есть та самая опасность, несущая очередную порцию физкультурных мероприятий. Он уже понял, что все происходящее здорово напоминает приходскую школу, только правил побольше. А получать стеком по филейным частям его жизнь давно приучила.

«Постели должны заправляться сразу, как только рекрут открыл глаза и ни секундой позже» — вещал Морис, подгоняя взвод. По итогам внезапного конкурса на лучшую заправку Бенни получил почетное право отправиться помогать на кухню. Возможно причина была не в кривизне одеяла из грубой шерсти, которое кололось как листы огурца, а в расположении кровати Бенни ближе ко всепроникающему взору архидиакона и выходу. С другой стороны, опыт участия в кухонных процедурах Бенни имел и подозревал, что тут тоже можно урвать обрезки, предварительно помолившись и приняв внезапный дар. Поэтому уровень печали был не сильно высоким. Надежда делает людей увереннее. Остальным повезло чуточку больше. Их ждала физическая подготовка. Первый день самый легкий.

— Ваш мозг, если он у вас все же есть, должен быть чист, как стекло окуляра наводки. Иначе ничего не удастся в него запихать полезного. Слава святому Антонию, что вы можете бегать самостоятельно. Всему остальному вас научит жизнь и ваш командир и отец родной, то есть приемный, а именно я, — осматривая комнату ворчал Морис.

Над каждой кроватью висела икона Вацлава-огнеборца, как знак того, что курсанты отделения «Голубые львы» готовы служить Вере не хуже, чем святой, знаменитый своей борьбой с неверными при помощи огня. Кого именно и как сжег огнеборец Бенни не очень помнил. Отец Фар не вдавался в подробности на уроках, предпочитая святых миссионеров, а собственной сознательности и времени на чтение житий у Бенни не обнаружилось.

В другой части находилось пять столов снабженных большими настольными экранами и ящиками для личных вещей. Курсанты положили туда свои молитвословы и что еще у них сохранилось. У Бенни было еще помятое письмо, которое он вчера прятал в сапоге, чтобы не потерять. Его он тоже засунул в ящик своего стола. В этот раз он не повторил ошибку и занял стол подальше от входа. Зачем нужны были экраны Бенни не представлял, но решил, что по ним нужно будет учить молитвы и читать сидя за столом. У деревенского старосты был экран, поменьше конечно, и он по нему читал важные распоряжения. Остальные обходились карманными молитвословами.

Третья часть комнаты была зоной отдыха. Показывая ее, Морис сказал, что им очень повезло, и отцы-основатели академии понимают, что после занятий духа нужен перерыв для их мозгов. Пусть пока и пустых, как дерево поздней осенью. В этой части стоял мягкий диван и два кресла. Бенни было очень интересно попробовать посидеть там, но он не решался. Усвоенный за первый день опыт намекал, что посидеть на мягком это скорее фантазия, чем план. Но хотелось. Однажды Бенни сидел в кресле отца Фара. Недолго, пару минут, но ощущения были изрядно приятными.

Четвертой зоной была общая санитарная комната, там был душ, туалеты, раковины и все это обязано блестеть. Вчерашние минуты санитарной свободы, потраченные на знакомство с чудесами сантехнических устройств привило чувство уважения к ним, поэтому требование про блеск и чистоту показалось совершенно естественным. От желающих первыми мыть помещение отбоя не было. Каждый хотел еще раз подмывать в унитазе и помыть руки под краном. А то, что там была теплая вода всегда вызывало удивление. Вчера никто не разбирался и помылись кто как, кому повезло холодной, а кому повезло еще больше, те горячей.

— Отделение, стройся! — слава Богу, эту команду вчера отрепетировали достаточно хорошо. Все пятеро замерли по стойке смирно, встав по росту.

Все пятеро стояли по одной линии, носочек к носочку, под пронизывающим взглядом Мориса. Бенни еще не удалось узнать имена своих товарищей, времени на разговоры не было. Один из них поразил его до глубины души еще в столовой. Его имя Бенни запомнил. Фердинанд. Бенни поразило не имя, а сам Фердинанд. Он был черным как уголь. Высокий, мускулистый парень с темными вьющимися волосами. Бенни даже не подозревал, что бывают люди, у которых цвет кожи может быть таким.

— Значит так. Вам предоставляются личные персональные коммуникаторы, сокращенно «пек» — назидательно вещал Морис, — Аккуратно берем, вскрываем пакет со стороны где красная стрелка и написано «Вскрывать тут». Отрываем предохранительную полоску, засовываем в пакет правую руку. Правую руку, то есть ту, которой вы держите ложку. Находим на ощупь предмет в пакете и крепко хватаем его своими пальцами. Кто уронит, будет сжиматься от пола, пока не вдавит в пол ладони, а пол, напомню, бетонный. Эти устройства ваши помощники на все случаи жизни. Они крепятся на руку, на тыльную сторону ладони. При первой активации, в устройство заносятся данные о ДНК его носителя, хотя вы понятия не имеете, что такое ДНК, это значит, что никто другой им воспользоваться не может. Вообще никто, ну может только если ваш брат близнец. Если он у вас есть. Но это не точно. Устройство является вашим личным идентификатором, которое позволяет дверям и проемам определять вас, как курсанта и предоставлять вам доступ в нужные и доступные вам помещения. Кроме того, устройства связаны беспроводной сетью через центральный сервер, что позволяет связаться с любым курсантом или другим человеком назвав его имя. Для этого надо нажать кнопку слева. Чтобы получить справку или что-то уточнить, нужно нажать на правую кнопку, назвать свое имя и вопрос. Крепится идентификатор при помощи молекулярного клея. Вряд ли вы, оболтусы деревенские, знаете что значит молекулярного. А значит это, что ваша кожа смешается с частями Пека. Если захотите его снять — снимайте, но будет не очень приятно. В конце обучения, или в случае отчисления или в случае смерти они сами отпадут. Противоударные характеристики у Пека на высоте. С ними можно плавать, можно мыться, бегать, прыгать и выполнять другие активные упражнения, которые, к слову, вас как раз ожидают. Кроме Бединуччи, на чьей совести наш сегодняшний завтрак, обед и ужин. Вопросы есть? По глазам вижу что есть. Но отвечать на них не буду. Рано вам еще думать, сначала будем бегать. Всем построиться, а Бединуччи дуй на кухню! Дорогу спросишь у Пека. Заодно и пользоваться научишься.

Отделение «Голубые львы» с легким стоном и заметным трепетом построилось и, повернувшись к Бенни спинами, вышло из комнаты.

Бенни посмотрел на Пек. Потом с опаской приложил его к тыльной стороне ладони левой руки. «Фамилия?» — прошипело устройство.

— Бединуччи, — как можно четче сказал Бенни.

— Запрос?

— Мне надо на кухню, архидиакон Морис назначил.

— Ожидайте. Маршрут выстроен. Выйдете из помещения.

Бенни, повинуясь указания Пека, двинулся по коридорам в сторону кухни. Коридоры были одинаково светлые, но без единой лампы или свечи. Этот факт стал для Бенни уже привычным. То тут, то там встречали цитаты из известных и не очень молитв, высказываний святых, изображения рыцарей в боевых доспехах.

Открыв последнюю по мнению Пека дверь, Бенни оказался в огромном помещении.

— Ты кто? — спросил Бенни крупный мужчина в белом комбинезоне, — в наряд?

— Меня архидиакон направил на работу на день.

— О, ты из нового потока? И уже провинился аж на наряд по кухне? Ну ты парень даешь. Ладно. Тебе повезло, ну немного повезло. Пойдешь в мое распоряжение. Я диакон Сальдаре, старший по отбыванию нарядов. Твоя первая задача — накрыть столы к приходу курсантов. До завтрака всего час. Так что начинай.

Сальдаре показал Бенни зал, намного больше того, где он обедал первый раз. В его задачу входило разносить приборы по столам. Пек, настроенный диаконом, подсказывал на какой стол и сколько нужно приборов. Напевая про себя молитву о радостном дне, Бенни, погрузился в воспоминания о деревенском празднике урожая, на котором ему также приходилось накрывать столы под указания бабушки.

***

Час до завтрака курсантов пролетел незаметно. Бенни предавался молитве и тому небольшому наслаждению воспоминаний, которое дала ему сервировка столов. Выполнив все указания Пека Бенни вновь обратился к диакону Сальдаре. Работы он не боялся, наоборот, она его успокаивала и приносила радость. Хорошо, когда все ясно, тут бери, там клади. Как не раз говаривал отец Фар «В работе разум очищается и становится чуть ближе к истинной вере».

— Я закончил накрывать столы, что мне делать дальше? — спросил Бенни диакона.

— Как чего? Есть конечно. Или ты еще и питание по указу пропускаешь? Чего ты такого понаделал? — диакон ухмыльнулся, — беги за свой стол, — но, скажу тебе честно, парень, ты мне нравишься. Из всех сегодняшних халдеев ты единственный, кто подошел ко мне сам, а не остался стоять столбом, как только Пек замолчал. Он же что? — Сальдаре потряс своим огромным кулачищем перед лицом Бенни, — Железяка! В нее веры нет! Она так — болтает тебе в ухо, а толку от нее ноль. А эти вот, как пустоглазые агнцы ее слушают. Замолкла — вот и встали. Если тебя попрут, а такое может быть, ты не сомневайся, тут отсев огого какой, ты ко мне приходи. Я тебе найду работу. Это, конечно, коли в твоей деревне тебя какая девчушка не ждет и ты к ней торопишься. Хотя чего я? Не ждет тебя никакая. Было б так — не оказался ты тут никоим образом. Рекрутеры они все про всех знают. И просто так семьи, даже намечающиеся, ломать не будут. Неугодное это дело. Ну да ты сам знаешь — союз, что заключен на небесах, не будет сломлен ни дождем ни ураганом. Это мой вольный пересказ, не вздумай где сболтнуть. Так! Чего стоишь? Сказал я тебе идти — иди. Марш бегом! Пока я в добряках.

Бенни, уже усвоивший, что приказ старшего надо выполнять, иначе ничего хорошего не выйдет, ринулся искать свой стол.

Курсантов было много. Бенни подозревал их примерное количество, но когда зала наполнилась людьми, ему показалось, что это целое столпотворение. На завтрак пришли серые комбинезоны, синие, оранжевые, небольшая группа зеленых. Те, кто был в сером держались в основном по своим отделениям, испуганно озирались по сторонам. Все остальные вели себя намного свободнее. Они разговаривали, перемешивались, смеялись. Создавалось впечатление,

что они давно и очень хорошо друг друга знают, что в их обществе было что-то свое, пока неизвестое. Серых комбинезонов было очень много, из чего Бенни сделал вывод, что это такие же как и он, только что поступившие курсанты.

Из всей этой разноперой толпы только зеленые держались обособленной группой. Они не общались ни с кем, да и между собой тоже не разговаривали. Строго, как по линейке стояли они вокруг столов, словно ждали только им известного сигнала.

Бенни увидел Фердинанда и, улыбнувшись ему, добрался до своего стола. Фердинанд посмотрел на Бенни с благодарностью.

— Вот и наш провинившийся. Мы занимаемся беготней в обнимку с камнями, а он тут на кухне, пирожки кушает, — сказал Морис, подходя к столу, — Львы, это ваш первый завтрак. ловите правила на лету, иначе все отделение получит общий наряд. И не надо надеяться, что это будет также легко, как поедать пирожки на кухне, как это делал Бединуччи все утро, и продолжит после завтрака. Смирно!

Команда прозвучала не только из уст Мориса. Все архидиаконы рявкнули на курсантов одновременно. Каждое отделение вытянулось вокруг своего стола. В зале стало так тихо, что Бенни показалось, что все слышат стук его сердца. Тишина продолжалась ровно минуту и ни секундой больше. Громкий бодрящий звук победного гимна Вацлава-огнеборца наполнил залу. Бенни начал подпевать вполголоса, а затем, убедившись, что все вокруг горланят, что есть силы, присоединился и запел. Удалой боевой гимн поднимал настроение и петь его было также приятно, как есть бабушкины пирожки с огурцами. Бенни сам не знал, почему именно это сравнение пришло ему в голову, но думал он именно так. Все курсанты в едином порыве прокричали слова «с Верою в сердце и огнем в руке, враг мой повержен». Музыка смолкла. Морис посмотрел на Бенни с одобрением.

— Ты так орал, что я даже себя не всегда слышал. Приятно, что ты знаешь гимн святого Вацлава. Мои «Голубые львы» всегда будут идти с ним в бой. И вас я заставлю выучить текст сегодня же. Причем даже не надейтесь, что на это вы сможете выделить хотя бы секунду учебного времени. Кто не выучит слова до ужина, на него не попадет. А учить вас будет Бединуччи.

— Простите, я тоже знаю слова и могу помочь, — вмешался в разговор Фердинанд.

— А тебя раскаленными щипцами сейчас за язык не тянули, но раз сам вызвался, будешь помогать. Хотя поешь ты ужасно.

— У меня совсем нет музыкального слуха.

— Это и за километр от тебя понятно. Отделение, у вас есть пятнадцать минут на прием пищи и еще десять на то, чтобы выбраться из столовой на плац. Будем учиться весело шагать. Бединуччи остается на кухне. Как только тебя отсюда выпустят, дуй на плац и ищи нас.Руки не забудь вымыть. И не давай Сальдаре задержать тебя ни на секунду дольше, чем ему нужны твои руки. Не сомневаюсь, что смена тебе прибудет быстро. Вон, даже у нас есть кандидат. Да, Маерс? — Морис сел и начал быстро поглощать одержимое своей тарелки. Усталые и голодные курсанты не дали ему воспользоваться форой неожиданного окончания его красноречивого выступления и тоже принялись стучать ложками, запихивая в рот все что съедобное, до чего могли дотянуться.

Бенни решил, что отставать от них точно не стоит. Как минимум нужно поесть про запас. Неизвестно, что его ожидает впереди. Сервировка столов не отняла у него много сил, но по состоянию своих соседей он понял, что им пришло несладко.

— Что вы делали? — проглотив очередной кусок бобовой каши спросил Бенни Пита Маерса, сидевшего справа от него.

— Учились переносить невзгоды и тяготы войны, — улыбнулся в ответ Пит.

— В прямом смысле, — включился в разговор Фердинанд Окли, поразивший Бенни цветом своей кожи курсант, — и Пит свои тяготы уронил. Причем на ног архидиакону. А тяготы у нас были каменные. Килограмм двадцать весом.

— Ага, с ними и бегали. Там же где вчера.

— Наелись? — перебил их разговор Морис.

— Нет архидиакон, рассказываем Бединуччи, что он пропустил, — ответил Пит.

— Поддерживаем взаимопомощь и выручку, которой всегда были знамениты «Голубые львы», — поддакнул Фер.

— Лесть и подхалимаж вам в зачет не идут, но — архидиакон сделал паузу, — общение вам никто не запрещал. Все вокруг итак болтают без умолку. Три минуты.

Курсанты ускорили темп поедания пищи. Морис встал и двинулся в сторону выхода. Отделение, по-видимому наученное горьким опытом утра, мгновенно вскочило из-за стола и ринулось за ним. Подпрыгнувший вместе со всеми Бенни пошел в сторону дверей кухни.

Внутри он застал диакона Сальдаре, который закидывал огромные котлы, где варилась каша, в специальный бассейн, снабженный шлангами и терками для очистки на длинных палках.

— А, курсант! Как тебя зовут, кстати? — громогласно возвестил Сальдаре о том, что заметил Бенни, минут через пять.

— Бединуччи Бенни, диакон.

— Бединуччи, фамилия у тебя как резинка для чистки зубов, такая же тягучая, — пробубнил главный по нарядам, — а знаешь, что хуже резинки? Не знаешь. Вот эта вот каша. Держи щетку и три котел, а я буду поливать. Остальные сами посуду разберут и поставят в мойку. Нет, вот удивительная вещь, все можно отмыть в мойке. Даже ты сожги тарелку, или ложку там, все автомойка вычистит до блеска. А котел от каши не может. Гадость эта бобовая каша. Прости меня Господи за мои безвольные речи, но есть это не возможно. Тебе-то что. Тебя или выгонят или дальше заберут. А мне? Я уже семь лет ем эту кашу каждое утро. Каждое утро. Сильнее три и вокруг ручки. Семь лет. Думаешь я это заслужил? Я был техником. Служил у рыцаря Долгого Льва. Потом его ухлопали вместе со всей его братией, а мне он даже письма какого благодарственного не оставил, или рекомендаций. Теперь с другой стороны ручки и поворачивай, я поливать буду. И я тут. Котлы мою. А я знаешь какой техник? Я такой техник, что до меня тут и ложки курсанты ручками мыли. Это из-за меня вам вольготно и хорошо. А я семь лет ем кашу. Прости меня Великий Отче, я заслужил кашу сию. — Сальдаре не замолкал ни на минуту. — Так, теперь второй давай, крути и три сильнее. Не урони только.

Вдвоем, под постоянные комментарии Сальдаре и жалобы на судьбу и кашу, они домыли котлы. Оглядев кухню Бенни решил, что минута, в которую необходимо присоединиться к своему отделению настала и медлить нельзя.

— Я свободен? — спроисил Бенни диакона.

— Вот ведь Морис, предупредил тебя да? Иди. Заглядывай ко мне на кухню, пока ты еще здесь. Думаю ты удачно со всем справишься и не будешь сидеть тут как некоторые по нескольку лет переливая из пустого в порожнее и мечтая занять местечко в канцелярии, потому что у них духу не хватает.

— Храни вас Бог, диакон.

Бенни был впечатлен положительным отзывом Сальдаре о себе. Получив от комлинка курс на плац, он двинулся по коридорам академии, где уже ощущал себя курсантом.

На плацу царил полный хаос. Руководители отделений прилагали все возможные усилия, чтобы курсанты шли хотя бы в ногу. Серые комбинезоны, поглощенные броуновским движением периодически натыкались друг на друга, сталкивались, путались в ногах и руках, поворачивали в разные стороны. Со стороны все происходящее напоминало прыжки блох по намытому дегтярным мылом полу. Казалось, что курсанты или потопчут друг друга в этой давке, или просто напросто расползутся по углам плаца да там и застрянут.

Минуту Бенни зачарованно наблюдал за происходящим заодно просматривая плац в поисках нашивок «Голубых львов». Ему повезло чуть больше, чем другим пребывающим из

наряда. В отделении был Фер, темной точкой маркировавший его среди хаотичной толпы. Трусцой Бенни двинулся к своим.

— О, Бединуччи! Как пирожки Сальдаре? Жирные? — приветствовал его архидиакон.

— Очень, с трудом отмыли.

— Ты что-то мыл? Тебя пустили в святая святых Сальдаре? На кухню? — Морис казался искренне удивленным, — В первое дежурство? Чем же это ты заслужил? Хорош, чего сказать. Отделение, стой.

Шагавшие первыми Фердинанд и Оливер Буатье тут же замерли, из-за чего им в спины уткнулись Пит и Фома Лур. Морис громко вздохнул. Однако от внезапной остановки отделения пострадали не только спины и носы. В этот момент ровно на них повернула другая группа. В несколько секунд от неожиданного столкновения образовалась куча мала, которую пришлось разгребать наставником самостоятельно, ибо ошалевшие курсанты никак не могли взять в толк, что от них требуется.

Расставив наконец бравый отряд «Голубых львов» по местам Морис поменял местами Фердинанда и Бенни.

— Ты у нас Фер парень видный, да и пока единственный, кто разобрался хотя бы куда и как надо идти. Будешь наводящим. А Бединуччи, если будет зевать, просто на просто получит пинка от идущих сзади.

Отделение построилось и несколько часов старательно пыталось перемещаться синхронно. К концу этого времени они достигли значительного успеха. Им два раза подряд удалось обогнуть лежавшие на пути большие куски гранита, и три раза не столкнуться с соседними отделениями. Лично Бенни перестал наступать на ногу Фердинанду и получать пинки от идущего сзади Фомы. Кроме того все запомнили свои места, и после столкновений и других неожиданностей научились быстро выстраиваться. В целом Морис остался доволен происходящим, но пообещал Оливеру, что наряд на кухню будет завтра вручен ему, если он не выучит как молитву о спасении души правые и левые повороты. Оливер, замученный и тяжело дышавший, смог только кивнуть в ответ.

Обедали прямо на плацу. Правда сухой паек, в который входили хлеб, рыба и вода доставался тем отделениям, которым удавалось стройно промаршировать до пункта раздачи. Замотивированные тяжелым взглядом архидиакона и урчание собственных желудков «Голубые львы» блестяще справились с задачей. Скрывшись от палящего солнца и завистливых взглядов менее удачливых курсантов за одним из гранитных камней, отделение приступило к еде.

***

Архидиакон поглощал свой обед как будто ел в последний раз. Он осматривался по сторонам и иногда комментировал особо неудачные попытки других отделений повторить подход за едой. Некоторым кадетам так и не удалось запомнить нужные команды. Около тридцати человек с особенно грустными лицами выстроились на очередной подход. Их командиры негодовали и кричали, обещая подопечным все возможные кары, на которые только были способны.

— Они либо доберутся до еды, либо их вышлют сегодня же, — проглотив очередной кусок хлеба сообщил отделению Морис. — вот у той пятерки даже нет надежды. Завтра же они будут заниматься уборкой или подсобным хозяйством. Вон тот точно будет крутить хвосты свиньям на хоздворе. Это вам не дома кушать мамочкины пирожки и рассказывать удивительные истории. Вот Лур, например, подозреваю, что он запомнил команды только ради того, чтобы набить свое брюхо. Но я не удивлен. Сытой солдат — сильный солдат. Так что Лур, ты правильно понял мысль. Хочешь есть — выполняй команды. Иначе ты или останешься голодным, или поедешь в рабочие. В бою голодный солдат ни на что не годен. Помню, я участвовал в высадке. Тогда я не был еще скитарием, обычным солдатом служил. Говорили «стреляй», я и стрелял. Особо мозгов не надо. С тех пор они там, — он многозначительно посмотрел

наверх, тем самым озадачив курсантов, — умнее стали. Теперь к ним не высадишься. Поэтому и десант отменили полностью. Оставили только рыцарей. И не смотрите на меня с такими выпученными глазами, мне очень много лет. Намного больше чем всем вам вместе взятым. Академия дорожит хорошими наставниками. Я ведь хороший наставник?

Даже не вздохнув все отделение в один голос рявкнуло «Да!». Наученные опытом сегодняшнего дня новобранцы понимали, что быстрая реакция — залог спокойной жизни. Их вопль привлек внимание всех сидящих и жмущихся к камню кадетов. Только в тени можно было хоть немного подышать и расслабится. «Голубые львы» лишний раз убедились в стратегических навыках своего архидиакона и были благодарны даже такому проявлению заботы об их скромных персонах.

— Так вот, — Морис, видимо, остался доволен дружной реакцией, — в тот последний десант всех кормили как на убой. Ну и оказалось на убой, но сначала никто об этом не догадался. Мы, простая солдатня, были рады как дети малые. В штурме почти все и погибли. Я чудом выбрался, потому только, как я сам думаю, что руки от голода не дрожали. Ешьте. Бединуччи, ты все проглотил? Пой давай! Или поручение нам не указ? Я думаю, тебе просто на кухне понравилось котлы драить. Ты скажи если что. Я тебя туда рекомендую.

Бенни, глотнув воды, затянул бодрый гимн святого Вацлава. Его тут же подхватил Фер и в два голоса они блестяще пропели первый куплет. Подгоняемые своими архидиаконами или просто по собственной воле к песне присоединились и другие курсанты. Само собой Морис не дал Оливеру, Питу и Фоме спокойно жевать. Они откровенно тянули вприкуску, пытаясь запомнить слова.

Последние такты прервал громкий звонок.

— Стоп реактор, — рявкнул наставник, — начинаем стройное и командное движение. Командное Маерс, и нечего хлебные крошки по лицу размазывать. Отделение стройсь!

Почти ровным шагом, удачно огибая то и дело возникавшие на пути препятствия из сбившихся в кучу курсантов, которые до сих пор путались с командами, отделение направилось в сторону одного из корпусов академии.

Архидиакон прошел с ними ровно до конца плаца.

— Стоять! Фердинанд, как кстати твоя фамилия?

— Эйоушентуочсон, архидиакон.

— Фердинанд, с этого момента ты будешь сержант. Пробный сержант, нечего улыбаться. Просто тебя из всей этой новообразованной и бестолковой кучи народу лучше всех видно. А значит наши друзья Фома и Питер тебя найдут, даже если потеряются. Насчет Оливера я не уверен. Поэтому если что, отвечаешь за него ты. Бен вынужден был научиться использовать комлинк, он найдет дорогу. Сержант, вот тебе нашивка, да на рукав, а не на грудь! Ты девица может переодетая? Сразу прихорашиваться? Веди отделение на первое занятие. И без опозданий!

Не медля ни одной лишней секундой Морис развернулся и оставил кадетов одних.

Фердинанд прикрепил на рукав нашивку и посмотрел на доверенное ему отделение.

— Не раскисайте, сейчас сообразим что и как. Бенни, ты же опытен с этой штукой?

— Да. Только я на кухню ходил. А тут куда? Можем пойти на кухню.

— Нет, я уверен, на кухню нам точно не надо. Нам сказано на первое занятие. Покажи куда жать, у меня все из головы выветрилось.

Бен показал ему основные команды для комлинка, с которые познакомился утром. Умная машина предложила им направление почти мгновенно. Хоть ребята были и не совсем уверены в его правильности, все же сообща решили, что лучше прийти не туда, чем стоять на палящем солнце.

Комлинк Фрдинанда перестал подсказывать повороты когда они пришли в класс, как в церковной школе, только рассчитанный на большее количество человек. За простыми партами,

по двое могли разместиться отделений десять. Куда пойдут остальные, подумал было Бенни, но потом решил, что вопрос туда ли они пришли является первостепенным.

Не обнаружив никаких опознавательных табличек с именами или чем-то похожим «Голубые львы» посвящавшись уселись на самый первый ряд и спокойно вздохнули. Поход с плаца занял у них минут пятнадцать. Они добрались бы и быстрее, но Фер решил, что двигаться надо не гурьбой, как предлагал Фома, а четким строем. Это решение их здорово задержало, но в итоге каждый запомнил нужные команды, а Бенни еще раз успел спеть гимн.

Класс в итоге полностью заполнился через еще пятнадцать минут. Фердинанд, исполняя обязанности сержанта, заставил всех еще раз спеть гимн и прочитать молитву о спасении души, а потом еще одну, о здоровье всех родственников и знакомых. Как выяснилось он знал много молитв. Во всяком случае отделение было при деле и смогло восстановить боевой дух и спокойное дыхание. А это было важно, как посчитал Фер.

В классе организовался галдеж, точно как в школе перед уроками. Кто-то жаловался на усталость и обгоревшие на солнце уши и носы.

— Бен, «Голубые львы», давайте еще раз закрепим гимн святого Вацлава? Иначе Морис нам спуску не даст точно. Пит сбивается, когда поет. Оливер куплеты путает. Да и все равно скучно.

— Ты совсем начальник, — пробухтел неохотно Фома. Однако затянул песню вместе со всеми.

Идея Фера не нашла понимания у остальных отделений и в этот раз, без понуканий наставников, никто и не подумал присоединиться. Но пелось все равно в удовольствие. Даже Фома, неожиданно для себя понявший, что наконец-то выучил слова, выводил такие рулады. Львы увлеклись пением настолько, что даже не заметили, что все вокруг смолкли и развернулись лицом к стоявшей кафедре.

Допев последние ноты Фома ощутил тишину и как и все уставился на появившуюся в классе женщину.

— Просим прощения, наставник, — не зная ее сана сказал Фердинанд, чувствовавший ответственность и смущение, за то, что отвлек своих.

— Эта песня никогда не бывает не к месту, — с очень приятной и располагающей улыбкой ответила Феру девушка. — спасибо, было приятно вас послушать. Не многие курсанты в первый свой день занятий так хорошо поют гимн святого Вацлава. Дайте догадаюсь, вы «Голубые львы» Мориса? Даже не отвечайте, я просто уверена.

— Начнем. Меня зовут Пэйшенс Брин. Я ваш преподаватель по вопросам первой и неотложной медицинской помощи. Первая задача курсанта а потом и скитария — выжить. А это значит не умереть от простых ранений и повреждений, до подхода медицинской команды. Если она вообще к вам успеет. Зачастую в бою шансов на помощь у вас не будет. Если вам удастся добраться до медстанции и дотащить туда своего сеньора, то у вас будет шанс выжить. Стоит помнить, что наш враг беспощаден и не даст вам ни минуты покоя. Вы должны уметь накладывать повязки и останавливать кровотечение. В бою нет времени истекать кровью ни вам ни вашему сеньору. Кроме того вы вынуждены уметь хотя бы минимально диагностировать повреждения. Причин может быть много, начиная от колюще-режущих ножевых ранений, ожогов термических и радиационных, до внутренних кровотечений или химических отравлений. Вы находитесь в бою и каждая потерянная секунда будет стоить вам жизни. Ваш сеньор ранен? Значит вы тоже труп. Ибо какими бы вы не были замечательными и трудолюбивыми обучать вас управлению боевого рыцарского корабля никто не будет.

***

Что должен уметь скитарий? Он должен уметь не умереть от всего того, что хочет убить скитария. Никогда раньше Бенни никто не хотел убить. Отлупить палкой, это да, это было. Не то, чтобы Бенни и его сверстники вели праведный образ жизни и никогда не попадали в ситу-

ации, где взрослым очень хотелось надавать им по особенно мягким местам. Просто постоянная работа в поле, помощь в домашних делах, обязательные молитвы и школа не оставляли простора для детского вандалистического самовыражения. Епетименью наложить могли, отлупить по рукам за поведение в школе. Но желания убить прям на смерть ни у кого не возникало. Рабочие руки на дороге не валяются. А носиться с корзиной по огурцовой бахче могут и мальчики и девочки. В деревне людей и детей всегда ценили. А тут убить. За занятие в голову Бенни свалилось столько способов нанести непоправимый вред его, как выяснилось, крайне хрупкому и ломкому телу. Если закончится воздух — ты умрешь. Тут сложно было представить, как воздух может закончиться, но оставалось только верить Пэйшенс Брин, слишком уж сурово она смотрела на кадетов. Если в тебя попадет осколок — ты умрешь. Осколки движутся с немыслимой скоростью и могут пробить насквозь самую крепкую сталь. Чем дальше шел рассказ, тем больше способов коварной и болезненной смерти складывалось в память.

Глава 2 И железная бочка, и шум великий

Прошло несколько часов после занятия Пэйшенс Брин, но Бенни казалось, будто между ее последними словами и тем утром, которое наступило теперь, успела пройти целая неделя. Он лежал на своей койке, вытянувшись поверх грубого одеяла, потому что сил укрыться по-настоящему уже не осталось, и смотрел в темноту, где над кроватями едва различались строгие прямоугольники икон Вацлава-огнеборца.

Ему все мерещились слова наставницы о том, как может закончиться воздух, как в тело входят осколки, как кровь бывает внутри человека и снаружи, причем снаружи ей, оказывается, быть вовсе не положено. Бенни старался не представлять этого слишком ясно, однако воображение, разбуди его ночью или дай ему минуту свободной тишины, было похоже на дворового пса, который, едва только хозяин отворачивается, непременно тащит в дом какую-нибудь дрянь, найденную на помойке.

Он думал о том, что раньше человеческое тело казалось ему делом простым и понятным. Руки нужны были, чтобы таскать корзины, выдергивать сорняки и собирать огурцы, пока не зайдет солнце. Ноги — чтобы ходить по бахче и бегать, если отец Фар заметил, что ты слишком долго прохлаждался у колодца. Голова — чтобы помнить молитвы, не забывать, когда надо поливать, и не спорить со старшими. А кровь существовала для того, чтобы не вытекать, потому что если она вытекала, то бабушка сразу заставляла сесть, прикладывала к ранке тряпицу, смоченную в чем-то пахучем, и ворчала, что мальчишки созданы Господом исключительно затем, чтобы пугать женщин и портить хорошую одежду.

Теперь же выходило, что в человеке было столько слабых мест, сколько в старой крыше после сезона дождей. И каждое из них могло подвести, треснуть, раскрыться, забиться, остановиться, а потом человек, которого еще минуту назад звали по имени, лежал бы неподвижно, как мешок с прошлогодним семенем, и ничем ему уже нельзя было помочь.

Бенни тихо перекрестился, не особенно понимая, кого именно он просит защитить — себя, товарищей, будущего рыцаря, которого ему однажды дадут в сеньоры, или вообще всех людей, у которых есть кровь, легкие и слишком много способов умереть.

Рядом тяжело сопел Фома. Он спал так глубоко, что, казалось, даже если бы над его кроватью рухнул потолок, он бы только повернулся на другой бок и почесал живот. Пит, лежавший дальше, иногда чавкал во сне, словно и там, в своих сонных видениях, не оставлял привычки что-нибудь жевать. Оливер дышал часто и неровно, и Бенни в какой-то момент подумал, что тот, может быть, плачет в подушку, но проверять не стал. У каждого человека есть право тихо поговорить с Господом, когда никто не слышит.

Фердинанд лежал неподвижно, вытянувшись ровно, как палка для разметки грядок. Даже в темноте Бенни видел, как на его рукаве слабо белеет нашивка «Голубых львов». Фер, кажется, не спал, но и не шевелился, словно уже учился быть солдатом не только днем, но и во сне.

Бенни хотел спросить у него, не страшно ли ему. Однако слова не пошли. Вопрос показался ему слишком глупым, потому что, конечно, страшно. Если Пэйшенс Брин сказала, что во всем мире столько острых, горячих, ядовитых и летящих с огромной скоростью вещей, то не страшно могло быть только человеку, у которого вместо головы был пустой котел.

А Бенни, как он надеялся, котлом не был.

Он закрыл глаза и стал читать про себя молитву о спокойном сне, которую бабушка заставляла произносить всегда, даже если он засыпал в одежде на лавке после долгой работы. Молитва была знакомой, как запах влажной земли после полива, и от нее в груди постепенно становилось тише.

Потом он уснул.

Ему приснилось, будто он снова идет по огуречной бахче, только вместо огурцов на плетях висели маленькие железные бочки. Они покачивались под листьями, стучали друг о друга и тихо гудели. Бенни тянулся к одной из них, чтобы проверить, не поспела ли, а бочка вдруг раскрылась, и изнутри на него посмотрел глаз Мориса — один живой, другой серый, металлический.

— Я из вас сделаю бойцов, — сказал глаз почти ласково. — Или вы умрете пытаясь.

После этого бочка загудела так громко, что Бенни проснулся.

Сначала он не понял, где находится. Перед глазами была не бахча, не потолок их дома, почерневший от времени и дыма, не лицо матери, склонившейся над ним с деревянной кружкой, а ровная белая поверхность академической стены.

Потом в уши ударил новый звук.

Сагаты гремели так, будто над самой академией разверзлось небо и небесные громовники принялись бросать друг в друга железные ведра. Удар следовал за ударом, тяжелый, раскатистый, с дрожью в стенах и койках. Казалось, этот шум не просто входил в уши, а пробирался под ребра, взбивал сердце и заставлял его биться чаще.

Бенни подскочил на кровати, и тело немедленно напомнило ему, что вчера он бегал, приседал, маршировал, слушал про кровотечения и вообще вел себя так, словно решил наказать все свои мышцы за прежнюю спокойную сельскую жизнь.

Болели плечи. Болели бедра. Болела спина. Даже пальцы на ногах, которых он никогда раньше особенно не замечал, казалось, провели ночь в тяжелой работе и теперь требовали объяснений.

Но прежде, чем он успел застонать, он почувствовал другое.

ПЕК на тыльной стороне ладони пульсировал в такт сердцу.

Это было не больно. Скорее неприятно и очень уж живо. Будто к коже прирос маленький холодный жук и теперь размеренно бил лапками, напоминая о своем присутствии.

Бенни поднял руку к лицу. В утреннем свете устройство казалось темнее его кожи, гладким и чужим. От него исходил слабый синий отблеск, едва заметный, но ровный.

— Приросло, — шепнул Бенни.

Он провел большим пальцем по краю ПЕКа, проверяя, не отвалился ли он за ночь. Разумеется, не отвалился. Морис вчера сказал, что снимать его будет неприятно, и Бенни поверил сразу, безо всяких проверок. После рассказа о том, как кожа смешивается с частями этой железки, ему вовсе не хотелось узнавать, насколько именно неприятно.

«Как клеймо на теленке», — подумал он.

В деревне бабушка однажды водила его смотреть, как клеймят молодых коров. Бенни тогда был маленьким и думал, что корова, наверное, понимает, что ей делают нечто важное и торжественное. Но корова понимала только горячее железо, запах паленой шерсти и то, что надо громко мычать. Бабушка же, поправляя платок, говорила с привычной деловитостью:

— Теперь эта скотина знает, чья она.

Тогда Бенни смеялся, потому что корова никак не могла знать, чья она. Корова не умела читать клеймо и не понимала слов. Но теперь ему не хотелось смеяться.

«Теперь и я знаю, чей я», — подумал он, глядя на ПЕК.

Мысль была неприятной, колючей, как сухой огуречный лист, случайно попавший за воротник. Он хотел было подумать дальше, спросить самого себя: а чей именно? Церкви? Академии? Мориса? Будущего рыцаря? Того большого города, который он видел с горной тропы?

Но едва вопрос начал складываться в голове, Бенни испугался его.

Сомнение было грехом. Отец Фар говорил это спокойно, без крика, и оттого слова запоминались особенно крепко. Сомнение, объяснял он, похоже на червя в огурце: сначала маленькая дырочка, потом темная дорожка, потом весь плод становится негодным, хотя снаружи еще кажется крепким и зеленым.

Бенни быстро перекрестился.

«Господи, прости меня, — подумал он. — Я не понимаю, но я делаю. Потому что так велят. Потому что вера — это когда делаешь, даже если не понимаешь».

В этот миг дверь с шипением ушла в стену, и в комнату ворвался архидиакон Морис.

Он двигался быстро, почти бесшумно, и только сагаты за его спиной продолжали громыхать так, что голос наставника сначала казался едва различимым. Морис был седой, поджарый, сухой, как старый пень на краю поля, который давно должен был сгнить, но почему-то пережил все дожди, все морозы и еще способен был сломать ногу всякому, кто неосторожно на него наступит. Его живой глаз блестел остро и зло, а металлический осколок на месте второго ловил свет холодным серым пятном.

— Бойцы! Подъем! — заорал Морис. — Кто не встал — того я подниму ногой!

Он сказал это таким тоном, будто заранее сожалел, что все пятеро, вероятно, встанут сами и не дадут ему воспользоваться воспитательным способом.

Бенни попытался вскочить, но одеяло зацепилось за его ногу. Он дернулся, высвободился и встал так резко, что в боку кольнуло. Рядом Пит, запутавшись в своем одеяле целиком, свалился с койки на пол с таким грохотом, словно решил доказать сагатам, что человек тоже способен участвовать в утреннем шуме.

Он лежал, завернутый в шерстяную ткань, рыжий, взъерошенный, с большим ухом, торчащим из складки одеяла, как лопух из придорожной канавы.

— Я в порядке! — заявил Пит, пытаясь выбраться. — Я просто решил проверить, твердый ли пол.

— Маерс, — сказал Морис, наклоняясь к нему. — Если бы пол был мягкий, ты бы в нем уже утонул. Поднимайся.

Пит вытащил одну руку, потом другую, потом запутался еще сильнее и наконец вывалился из одеяла на четвереньки. Его ПЕК вдруг резко пискнул.

— Ошибка. Перезагрузка, — сухо произнесло устройство.

Пит застыл и посмотрел на руку так, словно она только что начала разговаривать голосом покойного родственника.

— Я ничего не делал! — сказал он с искренним ужасом. — Он сам!

Морис тронул металлический глаз двумя пальцами, как делал всегда, когда раздражался или собирался сказать что-нибудь, что, по его мнению, должно было надолго остаться в памяти кадетов.

— Это он тебе напоминает, что ты живой, Маерс, — сообщил он. — Или что ты должен быть живым. Пока что.

Пит поднялся. Он был худой, сутулый, с веснушками на носу и щеках, такими густыми, будто кто-то рассыпал по нему горсть сухого мака. Рыжие волосы торчали в разные стороны. Он попробовал пригладить их ладонью, потом привычно задвигал челюстью, словно во рту у него уже лежала корка хлеба.

— Главное — не умереть с голоду, — пробормотал он. — Остальное приложится.

— Что ты там жевать собрался? — тут же рявкнул Морис.

— Ничего, архидиакон. Это я так, для порядка.

— Порядок у тебя будет, когда я прикажу. А сейчас стройся.

Фома уже стоял у своей койки.

Его глаза были закрыты.

Бенни несколько мгновений смотрел на него, не веря. Фома был коренастый, широкий в плечах, квадратный, как бочонок для засолки, который отец держал в сарае за мешками с солью. Его круглое лицо казалось еще круглее от тяжелых щек, а маленькие глаза почти терялись на нем. Но сейчас глаз вовсе не было видно, потому что Фома стоял с закрытыми веками, шумно дышал носом и, кажется, спал.

— Лур, — произнес Бенни тихо.

Фома не ответил.

— Лур, ты спишь?

Фома медленно открыл один глаз, затем другой.

— Нет, — ответил он. — Я стою.

И действительно, с этим было трудно спорить. Стоял он твердо, как вбитый в землю столб.

Морис заметил его, хмыкнул и кивнул с неожиданным одобрением.

— Вот, Бединуччи, учись. Человек еще не проснулся, а уже выполняет приказ. Из Лура выйдет или солдат, или хорошая мебель. Смотря куда назначат.

Фома почесал живот, потом посмотрел на Мориса и сказал совершенно серьезно:

— Мне все равно. Главное — чтобы кормили.

Морис прищурился. Бенни подумал, что сейчас последует наказание, но архидиакон лишь потёр руки, как делал перед новым испытанием.

— Правильное, в общем-то, рассуждение. Только запомни, Лур: кормят тех, кто успел. А кто не успел, того тоже могут накормить. Только землей.

Фома кивнул. Похоже, эта мысль показалась ему вполне практичной.

Оливер сидел на своей койке, прижав к груди одеяло. Он был бледный, как небо перед дождем, со светлыми волосами, которые почти сливались с подушкой. Его большие глаза смотрели испуганно, как у теленка, впервые выведенного из хлева на широкое пастбище, где слишком много травы, воздуха и непонятного неба.

Он пытался заправить кровать, но пальцы дрожали. Одеяло то съезжало в сторону, то комкалось, то снова падало на пол. Оливер кусал губу так сильно, что на ней уже выступила красная точка.

— Буатье! — крикнул Морис. — Ты что, решил завернуть койку в саван? Шевелись!

Оливер вздрогнул.

— Я… я сейчас, архидиакон.

— Сейчас — это уже было вчера. Мне нужен порядок в настоящем времени.

Бенни не стал ждать. Он быстро подошел к койке Оливера, поднял край одеяла и натянул его с другой стороны. Вместе они расправили шерстяную ткань, грубую и колючую, как листья огурцов в августе, когда солнце высушивает их до жесткости. Бенни провел ладонью по складке, прижал угол, и кровать стала выглядеть почти ровно.

Оливер посмотрел на него с такой благодарностью, будто Бенни спас его от падения в пропасть.

— Спасибо, — прошептал он.

— Ничего, — так же тихо ответил Бенни. — Мы же отделение.

Оливер кивнул и, отвернувшись, едва слышно произнес:

— Я хочу домой.

Бенни услышал. Наверное, услышал и Фер, потому что тот, стоявший рядом, коротко положил Оливеру ладонь на плечо. Но никто ничего не сказал.

Домой хотел, наверное, каждый. Просто не каждый решался признаться.

Морис построил их вдоль стены. Он ходил перед ними медленно, не торопясь, и его шаги были почти не слышны на гладком полу. Вблизи Бенни заметил, что седые волосы архидиакона не были мягкими и пушистыми, как у стариков в деревне, а торчали коротко и жестко, будто старое серебристое жнивье. Лицо его было покрыто мелкими складками, и каждая складка, как подумалось Бенни, наверное, появилась после какого-нибудь боя, ранения или особенно неудачного курсанта.

Морис остановился перед Питом.

— Маерс, ты что, решил, что в академии можно спать, как дома на печи?

— Нет, архидиакон, — ответил Пит. — У нас печи не было. Только теплая стенка у сушильни.

— Тем хуже. Значит, ты просто без привычки к удобству.

Пит хотел улыбнуться, но передумал.

Морис двинулся дальше и остановился перед Бенни.

— Бединуччи! Ты что, думаешь, что ПЕК сам тебя оденет? Встал! Я в твоем возрасте уже поднимался под гром пушек. А ты под сагаты — и то не можешь!

— Уже встал, архидиакон, — ответил Бенни.

— Вот и хорошо. Значит, слух у тебя еще не отшибло.

Он прошел вдоль строя еще раз, проверяя, застегнуты ли комбинезоны, ровно ли стоят ноги, не торчит ли из-под воротника белье. На Фере его взгляд задержался дольше.

Фердинанд был выше всех. Его темная кожа утром казалась почти синей в белом свете казармы, а вьющиеся волосы снова лезли на лоб. Он привычно откинул их тыльной стороной ладони и тут же поправил нашивку «Голубых львов» на рукаве, словно убеждал себя, что знак все еще на месте.

Бенни уже не пугался его необычного цвета. Вчера, при первом знакомстве, он некоторое время не мог перестать смотреть, потому что таких людей в их поселении никогда не видел. Но теперь Фер был просто Фером — высоким, серьезным и каким-то удивительно спокойным. От него исходило ощущение, будто он всегда знает, что надо делать, даже если сам ничего не знает.

— Эйоушентуочсон, — сказал Морис. — Нашивку не съешь. Хватит ее лапать.

— Есть, архидиакон.

— Голос громче.

— Есть, архидиакон!

— Вот теперь похоже, что ты живой.

Морис резко повернулся к двери.

— У вас четыре минуты на умывание, одевание, построение и молитву о том, чтобы я сегодня не передумал считать вас людьми. Четыре минуты — это много. В мое время за четыре минуты можно было вывести из-под обстрела две роты, найти пропавшую ногу и съесть сухарь. А вы хотя бы сапоги наденьте правильно. Вперед!

Они бросились к санитарной комнате.

Там сразу стало тесно. Вода шла теплая, и это по-прежнему казалось Бенни чудом. В деревне теплая вода появлялась только тогда, когда ее грели в котле или долго держали на солнце в черной бочке. Здесь же она лилась из железного крана сама, ровная, чистая, не пахнущая ни дымом, ни ржавчиной.

Пит сунул лицо под струю, охнул и тут же принялся плескаться так, будто надеялся смыть с себя не только сон, но и всю прежнюю жизнь.

— Не расходуй воду! — шикнул на него Фер.

— Она же сама льется, — возразил Пит. — Наверное, ей не жалко.

— Вода не может жалеть, Маерс.

— А вдруг может? Она же теплая.

Фома тем временем стоял у раковины и с задумчивым видом пил прямо из ладони. Потом он вытер рот рукавом, посмотрел на Бенни и сказал:

— Вода хорошая. Но еды в ней нет.

— Это потому что она вода, — сказал Пит.

— Я знаю, — спокойно ответил Фома. — Жалко просто.

Оливер тщательно умывался, будто боялся, что Морис проверит, осталась ли у него за ушами хоть одна пылинка. Его пальцы снова перебирали край полотенца, а губа была искусана до крови.

Бенни хотел сказать ему, чтобы тот перестал кусаться, но не знал, как сделать это не обидно. Поэтому просто перекрестился, вытер лицо и стал застегивать комбинезон.

Когда они снова выстроились, Морис осмотрел их с тем выражением, с каким хозяин разглядывает телегу, собранную из разных, не слишком подходящих друг к другу частей.

— Сойдет, — вынес он приговор. — Не хорошо. Не красиво. Не достойно памяти моих боевых лет. Но сойдет. В столовую. Бегом не надо, потому что если вы начнете бежать в таком виде, я потом буду собирать вас по всему коридору.

Он развернулся и пошел вперед.

Коридоры академии были белыми, длинными и всегда одинаково светлыми. Бенни никак не мог привыкнуть к этому свету. В деревне свет был понятным: утром он приходил от солнца, вечером от лампы, ночью от луны, если она была не скрыта тучами. В церкви горели свечи и лампады, и от них стены становились золотистыми, а лица святых на иконах казались живыми.

Здесь же стены светились сами.

Бенни смотрел на гладкие поверхности и думал: «Где же свечи? Где лампады?»

Ни свечей, ни лампад не было.

«Наверное, это святое свечение», — решил он наконец. — «Такое, которое могут сделать только очень важные служители».

Эта мысль немного успокоила его. Если не понимать чудо, не значит, что оно плохое. Отец Фар говорил, что Бог сотворил много такого, о чем обычный человек не знает. Например, почему семечко, маленькое и сухое, лежит в земле, а потом становится плетью с огурцами. И никто ведь не требует, чтобы огурец объяснил, как он это делает.

Бенни шел рядом с Фером. Пит и Фома двигались позади, а Оливер старался держаться ближе к середине строя, чтобы никому не мешать и самому не потеряться.

— У нас дома корова молитвослов съела, — внезапно сообщил Пит.

Фер посмотрел на него.

— Что?

— Корова. Съела. Мы положили его на лавку у ворот, потому что отец читал вечернюю молитву, а потом прибежала Звездочка и язык туда сунула. Она вообще все пробовала. Один раз мой сапог съела почти до подошвы. А молитвослов жевала долго. Бумага, наверное, ей показалась вкусной.

— И что было? — спросил Бенни.

— Отец неделю молился по памяти, — сказал Пит. — И я неделю молился по памяти. Потому что мне велели следить, чтобы корова не съела следующий. А я не уследил. Хорошая была корова. Верующая, наверное. Столько молитв в нее вошло.

Фома шумно втянул носом воздух.

— Молитвослов из чего был?

— Из бумаги.

— Бумагу не ел.

— И не ешь, — посоветовал Фер.

— Я и не собирался, — ответил Фома. — Просто спрашиваю.

Пит тихо хмыкнул, затем, как будто вспомнил о чем-то важном, поднял руку и потрогал свой ПЕК.

— Эта штука приросла к руке, как репей к корове, — сказал он. — Только репей можно было содрать. А этот не сдерешь. Я пробовал, честно.

Бенни повернул голову.

— Ты пробовал?

— Ночью. Очень осторожно. Только ногтем подцепил. Он мне так пискнул, что я подумал, сейчас Морис из стены вылезет.

— И что? — спросил Оливер.

— Ничего. Не оторвался. Зато я теперь знаю, что он крепкий.

Фер поправил нашивку на рукаве.

— Не трогай его зря, — сказал он. — Нам сказали носить. Значит, носим.

— Да я понимаю, — ответил Пит. — Я просто хотел узнать, не обманули ли нас.

Фер посмотрел на него серьезно.

— Вера — это когда делаешь, даже если не понимаешь.

Эти слова он произнес спокойно, без назидания, словно повторил знакомую молитвенную строку.

Бенни невольно кивнул. Ему показалось, что Фер сказал именно то, что он сам пытался сформулировать всю ночь.

У входа в столовую они остановились.

Дверь была высокой, гладкой, без ручки. Вчера Бенни уже видел, как она открывалась перед служителями, но сам к ней не подходил. Над дверью горела небольшая полоска света.

Морис встал в стороне, скрестил руки на груди и посмотрел на отделение.

— Заходим, — приказал он.

Пит первым шагнул вперед. Он протянул руку к двери, приложил к ней ладонь, потом постучал костяшками пальцев. Дверь не отреагировала.

Пит посмотрел на нее с обидой.

— Может, она спит?

— Маерс, — произнес Морис так тихо, что от этого стало страшнее, чем от крика. — Ты бы еще ногой открывал.

Пит перевернул ладонь и прижал к двери ПЕК другой стороной. Дверь снова осталась неподвижной.

— Она меня не любит, — сказал он.

— Железо никого не любит, — сухо заметил Фер.

— А вдруг любит, только не меня?

Морис сделал шаг вперед, но Бенни вдруг вспомнил, как вчера открывал двери на пути к кухне. Он осторожно вытянул левую руку, повернул ее так, чтобы ПЕК оказался перед светящейся полоской, и поднес устройство близко к двери.

Раздалось тихое шипение.

Дверь ушла в стену.

Бенни на мгновение почувствовал себя человеком необыкновенно умным. Не таким умным, как отец Фар или архидиакон Морис, конечно, но хотя бы достаточно умным, чтобы попасть к завтраку.

Пит посмотрел на его руку.

— У тебя просто рука счастливая, — заявил он.

— У него память есть, — сказал Морис. — Редкое явление для вашего отделения. Внутрь. И если кто-нибудь попробует открыть стол ложкой, я лично научу его жить без ложек.

Столовая утром была совсем другой, чем в первый праздничный день. Тогда она сияла едой, посудой и торжеством, а теперь стала строгой и огромной. Рядами стояли длинные столы. Курсанты уже заняли места вокруг них, но никто не садился. Серые комбинезоны стояли по отделениям, вытянувшись, будто их всех разом вырастили в один день и забыли научить говорить.

Тишина была такой, какую Бенни слышал только в церкви во время больших праздничных служб, когда отец Фар выходил к алтарю, а даже самые маленькие дети переставали шуршать одеждой, потому что матери заранее обещали им очень серьезные последствия.

Над столами мерцали таблички с названиями отделений. «Голубые львы» нашли свое место и встали рядом.

Бенни огляделся.

У большинства курсантов ПЕКи светились синим, как у него. У некоторых — зеленым. Эти люди держались увереннее: не оглядывались, не теребили рукава, стояли ровно и даже, как показалось Бенни, знали, куда смотреть. Они были старше или, по крайней мере, выглядели старше.

Еще дальше, у одного из боковых рядов, стояли несколько кадетов с красными огоньками на ПЕКах. Они не разговаривали и не поднимали глаз. Возле них ходил служитель в темном комбинезоне, и Бенни подумал, что красный свет, вероятно, означал что-то очень важное.

Он хотел спросить у Фера, но передумал. Не все вопросы стоило задавать. Особенно те, на которые можно было получить ответ, после которого станет еще страшнее.

Наконец раздался короткий звон.

Все сели.

Перед Бенни стояла глубокая тарелка с серой бобовой кашей. Она была горячей, густой, чуть пахла чем-то кислым и не имела ни мяса, ни овощей, ни даже приличного количества масла. Но от нее шел пар, и после утренней беготни, грохота и собственного внутреннего беспокойства Бенни почувствовал, что готов съесть ее с благодарностью.

Он прочел короткую молитву над едой и взял ложку.

Первый вкус был тяжелым и простым. Каша липла к языку, словно хотела остаться там навсегда. Бенни сразу вспомнил диакона Сальдаре, который вчера с таким несчастным лицом рассказывал о семи годах, проведенных рядом с котлами этой самой каши.

Бенни невольно улыбнулся.

«Прости меня, диакон, — подумал он. — Она и вправду не очень».

Но каша была горячая. А горячее всегда помогало человеку почувствовать, что жизнь продолжается.

Фома ел так быстро, что его ложка мелькала перед лицом, как пчела над цветами. Он почти не жевал. Он просто отправлял кашу внутрь себя с таким сосредоточением, словно исполнял важный боевой приказ.

Через несколько минут его тарелка стала пустой.

Фома медленно поднял голову.

Его маленькие глаза остановились на тарелке Пита.

Пит немедленно заслонил свою кашу рукой.

— Не смей, Лур. Это моя каша. Моя!

Фома тяжело вздохнул.

— Я и не смел.

— Ты посмотрел.

— Я смотрю на еду. Это не грех.

— Пока не трогаешь, — вмешался Фер.

Фома опять вздохнул, еще глубже, и отвернулся. Потом почесал живот.

— Мне все равно, — сказал он. — Главное — чтобы кормили.

Пит придвинул тарелку к себе еще ближе.

— Главное — не умереть с голоду, — назидательно ответил он. — Остальное приложится.

— Вы оба, — сказал Фер, — сначала доешьте. Потом будете открывать свои учения.

Оливер ел маленькими ложками. Он то и дело смотрел по сторонам, словно опасался, что за каждую лишнюю крупинку каши его могут наказать. Его ПЕК светился ровно синим, но пальцы все равно перебирали край тарелки.

Бенни заметил, что Оливер почти не притронулся к хлебу.

— Ешь, — тихо сказал он. — Потом пригодится.

Оливер вздрогнул.

— Я ем.

— Ты его только держишь.

Оливер посмотрел на хлеб, будто увидел его впервые, и откусил крошечный кусочек.

— Я хочу домой, — почти беззвучно сказал он.

Бенни не нашелся, что ответить.

Дом был далеко. Где-то за коридорами, за горой, за городом, за той дорогой, по которой его увезли инквизиторы. Может быть, отец уже собирал огурцы. Может быть, мать готовила что-нибудь на завтрак. Может быть, бабушка сидела у окна и ворчала, что Бенни оставил свою кружку не на том месте.

От этих мыслей у него защипало в носу.

Он опустил голову над кашей и быстро проглотил еще ложку.

Когда завтрак закончился, Морис не дал им ни минуты на спокойное дыхание.

— Голубые львы, построение! — рявкнул он. — Сегодня вы узнаете, что человек может делать с машиной, если машина заранее не решит сделать что-нибудь с человеком.

Он потер руки.

Это движение Бенни уже начал узнавать. Оно означало, что впереди будет новое испытание, и ничего хорошего ждать не следует.

— Куда мы идем? — не удержался Пит.

Морис повернул к нему свой живой глаз.

— На занятие, Маерс.

— А какое?

— Такое, после которого ты либо поумнеешь, либо перестанешь спрашивать.

Они пошли вслед за ним через коридоры. Чем дальше они уходили от столовой, тем реже попадались другие курсанты. Стены становились шире, потолки выше, а в воздухе появился запах масла, горячего железа и чего-то сухого, похожего на пыль, хотя пыли в академии, кажется, вообще не было.

Бенни почувствовал этот запах и сразу вспомнил старый трактор отца. Трактор был древний, красный когда-то, но за годы работы стал цвета ржавой земли. Он гремел, чихал, дымил и каждый раз перед тем, как завестись, будто долго решал, стоит ли ему вообще участвовать в жизни семьи Бединуччи. От него тоже пахло маслом и железом, а отец всегда говорил, что хорошая машина пахнет не духами, а работой.

Перед большой дверью Морис остановился.

— Здесь не разговаривать без разрешения, не трогать ничего без команды и не пытаться кормить машины, — объявил он. — Лур, это прежде всего тебя касается.

Фома посмотрел на дверь.

— Я не собирался.

— Еще не собирался. Но я тебя знаю уже второй день.

Дверь ушла в стену.

За ней оказался огромный зал.

Бенни ожидал увидеть плац, парты или хотя бы камни, которые нужно будет носить. Но вместо этого перед ними стояли железные бочки.

Их было много.

Они стояли рядами, одинаковые, темные, округлые, с крышками, ручками, стеклянными окошками и какими-то выступами по бокам. От каждой к полу тянулись толстые кабели. Внутри некоторых бочек мерцали огни. Другие были закрыты. Над третьими вспыхивали маленькие таблички с непонятными знаками.

Бенни остановился.

Бочки показались ему гробами.

Не такими, какие делали в деревне, конечно. Деревенские гробы были деревянными, тяжелыми, пахли смолой и свежими досками. Когда умер дед Бенни, мужчины долго строгали

дерево во дворе, тихо разговаривали, а женщины носили воду и плакали в доме. Тогда Бенни впервые понял, что человек может быть рядом утром, а вечером лежать неподвижно, и никто не может заставить его встать.

Эти железные бочки не пахли смолой. Они пахли холодом, маслом и чем-то чужим. Но стояли так же ровно, рядами, будто ждали людей.

Он перекрестился.

«Может, это не гробы», — подумал он. — «Может, это просто такие… железные сиденья».

Однако железные сиденья обычно не имеют толстых кабелей и не гудят сами по себе.

Вперед вышел сухой человек в темном комбинезоне. Он был настолько худой, что Бенни сразу вспомнил палки, которыми на бахче подвязывали слишком разросшиеся огуречные плети. У него были тонкие плечи, длинная шея и очки с такими толстыми линзами, что глаза за ними казались огромными, круглыми, почти совиными.

Человек снял очки, протер их тканью, снова надел и посмотрел на курсантов.

Бенни почувствовал, что тот смотрит не на людей, а на сорняки, которые неожиданно выросли на аккуратно вычищенном поле.

— Диакон Игнатий, — сказал Морис. — Мученик науки и великий любитель тех, кто не умеет отличить кнопку от собственного носа. Принимай моих львов.

Игнатий дернул себя за мочку уха.

— Львы? — переспросил он. — Они больше похожи на мокрых цыплят.

— Вырастут.

— Если не угробят мои тренажеры.

Морис усмехнулся.

— Я из вас сделаю бойцов. Или вы умрете пытаясь.

Он произнес это почти ласково, как будто обещал каждому по куску праздничного пирога.

Игнатий снова дернул мочку уха и шагнул вперед.

— Вы будете учиться работать на тренажере, — сказал он. — Смотрите на экран. Совмещайте крестик с красным квадратом. Нажимайте кнопки. Крутите верньеры. Вопросы? Я отвечу — нет.

Он повернулся к ближайшей бочке и хлопнул ладонью по ее корпусу.

Бочка отозвалась глухим металлическим звоном.

— Это — тренажер. Не ведро. Не печь. Не сортир. Не скворечник. Внутри сидите прямо. Руки на рукоятях. Глазами смотрите вперед. Если начнете крутить все подряд, машина вас накажет. Если будете делать, как я сказал, машина вас не накажет. Пока.

Пит осторожно поднял руку.

Игнатий посмотрел на него так, словно тот вытащил из кармана дохлую мышь и протянул ее для знакомства.

— Что?

— А она может взорваться? — спросил Пит.

В зале стало тихо.

Игнатий медленно снял очки, протер их еще раз и надел обратно.

— Маерс, — произнес Морис за спиной Пита. — Если ты еще раз задашь вопрос, на который можно ответить словом «да», я лично посажу тебя в бочку и буду нажимать кнопки вместо тебя.

Пит опустил руку.

— Понял, архидиакон.

Бенни хотел спросить, зачем им вообще нужно совмещать крестик с красным квадратом. Крестик был знаком веры, красный квадрат — неизвестно чем. Может быть, это было какое-то

упражнение на благочестие, вроде того, как отец Фар заставлял их искать в церковной книге нужную строку, пока над ухом шуршала розга.

Но вопрос застрял в горле.

Он вспомнил слова отца Фара и слова Фера.

«Вера — это когда делаешь, даже если не понимаешь».

Бенни молчал.

Игнатий распределил курсантов по бочкам. Каждому досталась своя. «Голубые львы» оказались в одном ряду, почти рядом, так что Бенни мог видеть, как Пит вытягивает шею и пытается заглянуть в чужой тренажер, а Фома рассматривает стенку своей бочки с выражением человека, оценивающего, нельзя ли ее использовать для хранения солений.

— По одному! — крикнул Игнатий. — Не лезьте все вместе, вы что, в бахче собрались урожай собирать?!

Бенни подошел к своей бочке.

Сбоку в ней была маленькая дверь. Он тронул ПЕК, и дверь с тихим щелчком открылась. Внутри оказалось тесно. Там было сиденье, ремни, экран перед лицом, две рукояти и несколько рядов кнопок. Кнопки отличались цветом, размером и какими-то метками. Рядом были круглые верньеры, похожие на колеса от маленьких детских тележек.

Он сел.

Сиденье обняло его с боков. Ремни легли на грудь и бедра. Воздух внутри был тяжелый, пахнущий маслом, металлом и чем-то теплым, словно бочка долго стояла на солнце.

Бенни почувствовал себя так, будто залез в старый трактор, который почему-то решил закрыть за ним крышку.

Дверца захлопнулась.

Снаружи все стало тише.

На экране вспыхнул небольшой белый крестик. В стороне от него загорелся красный квадрат.

Под экраном появилась надпись.

«Совместить маркеры. Последовательность управления: 4-6-2».

Бенни смотрел на цифры.

Четверка. Шестерка. Двойка.

Он нашел кнопки с этими цифрами. Они были расположены не рядом. Четверка — слева, шестерка — внизу, двойка — возле правой рукояти. Он положил руки на панели, пытаясь вспомнить все, что говорил Игнатий.

Смотреть на экран. Совмещать крестик. Нажимать кнопки. Крутить верньеры.

Бенни нажал четверку.

Крестик на экране дернулся в сторону.

Он нажал шестерку.

Красный квадрат мигнул.

Он нажал двойку.

Бочка загудела.

Сначала звук был тихим, глубоким, будто где-то под ним проснулся огромный шмель. Потом гул стал сильнее. Вибрация пошла по сиденью, по ногам, по спине. Экран дрогнул. Крестик ушел в угол. Красный квадрат прыгнул в другой.

Бенни вцепился в рукояти.

— Бединуччи! — проревел голос Игнатия через внешний динамик. — Ты что, в бахче собрался урожай собирать?! Это не огурец, это тренажер! Нажимай кнопки в том порядке, в котором я сказал! А если не знаешь — смотри на экран!

Бенни почувствовал, как лицо у него горит.

Он ведь нажал в порядке. Сначала четыре, потом шесть, потом два. Или он не так нажал? Может быть, нажать надо было не просто пальцем, а с каким-то особым усилием? Может, рукояти требовалось держать иначе? Может, крестик был не тем крестиком, о котором говорил Игнатий?

Бочка затряслась сильнее.

Он испугался, что она сейчас начнет падать, как та капсула, в которой их проверяли раньше. В груди стало тесно. Пальцы вспотели. ПЕК на руке пульсировал.

Бенни поднял руку ближе к лицу.

— Запрос, — сказал он тихо. — Как совместить крестик?

ПЕК ответил без всякой жалости:

— Недостаточно прав. Обратитесь к инструктору.

Бенни замер.

Нельзя было сказать, что ПЕК обманул его. Он действительно не имел права спрашивать. Но от этого становилось только хуже. Железка сидела на его руке, знала его имя, открывала двери, пищала, записывала, наверное, все, что он делает, а помочь в самый нужный момент не могла.

«Я не знаю, что делать, — подумал Бенни. — Но я должен делать. Потому что иначе меня отправят в свинарник».

Он не знал, почему именно в свинарник. Может, потому что Морис вчера говорил о подсобном хозяйстве. Может, потому что свинарник был самым страшным местом, которое он мог себе представить после железной бочки. Свиньи в деревне были существа шумные, мокрые, пахучие и очень уверенные в том, что все вокруг принадлежит им, включая человеческие сапоги.

«Когда не знаешь, что делать — делай то, что велят. И молись», — вспомнил он слова отца Фара.

Бенни закрыл глаза на мгновение.

«Отче наш, иже еси на небесех…»

Он открыл глаза и снова посмотрел на экран.

Крестик был внизу слева. Красный квадрат — чуть выше справа. Между ними двигалась тонкая линия. Возможно, рукояти надо было не просто держать, а поворачивать. Бенни осторожно повернул левую.

Крестик сдвинулся.

Он повернул правую.

Красный квадрат дрогнул.

Бочка продолжала гудеть, но уже не так грозно. Бенни прочел про себя еще несколько слов молитвы и нажал четверку. Потом медленно повернул левую рукоять. Нажал шестерку. Повернул правую. Нажал двойку.

Крестик и квадрат встретились.

На экране вспыхнула зеленая строка.

«Последовательность выполнена».

Гул прекратился.

Бенни сидел неподвижно, тяжело дыша. Ему казалось, будто он только что перетащил через поле телегу, груженную мокрыми мешками. Сердце стучало громко. Ладони были мокрыми.

Дверца открылась.

Перед ним появился Игнатий. Его огромные, увеличенные очками глаза смотрели на Бенни с недоверием.

— Неплохо, Бединуччи, — сказал он. — Для первого раза. Хотя неплохо для обезьяны, которая научилась нажимать кнопки.

Бенни не обиделся.

Он даже улыбнулся.

Обезьяны он никогда не видел, но если обезьяна смогла нажать правильные кнопки и ее после этого не выгнали, значит, сравнение было не самым плохим.

Он выбрался из бочки на ватных ногах.

Фер уже сидел в своей. У него тренажер гудел ровно, без рывков. Он сосредоточенно смотрел на экран, поправил нашивку одним движением, не отрывая второй руки от рукояти, и медленно совмещал крестик с квадратом.

Пит в своей бочке разговаривал с машиной.

— Ну ты не сердись, — говорил он. — Я же не специально. Я просто не понял, какая из вас четверка.

— Маерс! — взвыл Игнатий. — Это цифра, а не родственница!

— Я понял, диакон. Я просто объясняю ей.

— Она тебя не слушает!

— А вдруг слушает?

Фома сел в бочку последним из их отделения. Он едва поместился в узком сиденье, и Бенни на миг испугался, что машина не выдержит. Фома пристегнул ремни, посмотрел на экран, потом на кнопки, потом снова на экран.

— Что там? — спросил Пит, высунувшись из своей бочки.

— Крестик, — ответил Фома.

— И квадрат.

— Красный.

— И что делать?

Фома задумался.

— Нажимать.

Он начал нажимать кнопки.

Не в том порядке, который велел Игнатий. Не осторожно. Не глядя на экран. Он просто нажимал их подряд, одну за другой, как человек, который перебирает фасоль в миске и не считает нужным интересоваться мнением каждой отдельной фасолины.

Бочка загудела.

Игнатий дернул себя за мочку уха.

— Лур! Нет! Не так! Ты что делаешь?!

Фома продолжал нажимать.

Бочка загудела сильнее. Потом затряслась. Потом вдруг перестала трястись. На экране крестик каким-то непостижимым образом оказался внутри красного квадрата.

Вспыхнула зеленая строка.

«Последовательность выполнена».

Игнатий замер.

Бенни замер.

Пит перестал жевать пустым ртом.

Даже Морис, стоявший у дальнего ряда и разговаривавший с другим наставником, повернул голову.

Игнатий подошел к бочке Фомы, открыл дверцу и заглянул внутрь.

— Как ты это сделал? — спросил он.

Фома пожал плечами.

— Я ничего не делал. Я просто хотел есть.

Игнатий моргнул за толстыми стеклами.

— При чем здесь еда?

— Не знаю, — сказал Фома. — Когда я хочу есть, у меня руки сами быстрее.

Он вылез из бочки и почесал живот.

— Я бы съел и эту бочку, если бы она была из хлеба. Или хотя бы из огурцов. Я люблю огурцы.

Бенни почувствовал такую внезапную тоску по дому, что едва не перекрестился прямо посреди зала. Огурцы. Настоящие, теплые от солнца, с шершавой кожицей, пахнущие землей и водой. Не эти железные бочки, не серая каша, не кнопки с цифрами.

Но он тут же вспомнил: жаловаться нельзя. Он был выбран. Ему дали путь. Значит, надо идти.

«Я скучаю по огурцам, — подумал он. — Там я знал, что делать: поливать, собирать, продавать. Здесь я не знаю ничего. Но я буду делать. Потому что делать — это мое. Потому что вера — это когда делаешь, даже если не понимаешь».

Занятие продолжалось долго.

Каждый раз, когда Бенни садился в бочку, он чувствовал тот же страх. Машина гудела, экран мигал, рукояти были холодными и скользкими, а Игнатий кричал так, будто у него в горле жил отдельный, очень сердитый человек.

Но постепенно Бенни начал замечать закономерности.

Если повернуть левую рукоять — крестик двигался в одну сторону. Если правую — в другую. Если нажать кнопку не вовремя, тренажер сердился и начинал вибрировать. Если смотреть на экран, а не на собственные пальцы, становилось чуть понятнее.

Это было похоже на прополку грядок. Сначала все сорняки казались одинаковыми. Потом глаз начинал различать: вот это можно оставить, это надо вырвать, а это лучше не трогать, потому что оно еще может оказаться нужным растением.

Только на бахче никто не орал на тебя через железную стену.

Пит несколько раз перепутал кнопки, один раз ударился лбом о край сиденья и потом долго жаловался, что машина нарочно пытается сделать его менее красивым. Игнатий заявил, что красота Пита не входит в программу подготовки и что вообще у тренажера есть более важные заботы.

Оливер сидел в бочке, бледный еще сильнее, чем обычно. Он кусал губу, пальцы дрожали на рукоятях, но он старательно повторял каждую команду. Когда у него получилось совместить крестик с квадратом, он не улыбнулся, а только тихо выдохнул, будто наконец вернулся домой из долгой дороги.

— Молодец, Буатье, — неожиданно сказал Фер.

Оливер посмотрел на него.

— Правда?

— Правда.

Оливер быстро отвернулся, чтобы никто не заметил, как у него дрогнули губы.

К полудню Игнатий объявил, что у него болит голова от вида курсантов, а у курсантов, вероятно, болит все остальное, и потому занятие можно считать временно завершенным.

— Временно! — повторил он. — Завтра продолжим. И если кто-нибудь забудет, где у него рукояти, я лично привяжу его к ним на ночь. Свободны! И не трогайте бочки на выходе!

Пит, проходя мимо, почтительно кивнул одной из них.

— Спасибо, — сказал он.

— Маерс! — раздалось сзади.

Пит ускорил шаг.

На обед Морис повел их не в столовую, а на плац. Там уже стояли раздаточные столы, возле которых выстраивались отделения. Солнце било сверху жестко, и гладкие камни под ногами нагрелись так, что от них поднимался сухой жар.

— Кто не успеет — останется голодным! — объявил Морис. — Голубые львы, бегом!

Бенни побежал сразу, не раздумывая.

Бег был ему знаком. В деревне он носился между грядками, таская воду, догоняя коз, убегая от бабушки, если она заметила, что он съел огурец, предназначенный для продажи. Его ноги помнили землю. Здесь земля была твердой, ровной, серой, но тело все равно делало то, что умело.

Фер бежал впереди, высокий и легкий. Пит сначала держался рядом, потом споткнулся о собственную ногу, но чудом не упал. Оливер тяжело дышал, однако не отставал. Фома двигался небыстро, зато ровно, как телега, которую уже не остановить, если она пошла под горку.

Они оказались у раздачи одними из первых.

Им выдали металлические миски с горячим супом, куски хлеба и по кружке воды. От супа пахло овощами и чем-то мясным, хотя мяса в нем Бенни сначала не увидел. Но запах был хороший. Такой запах мог примирить человека даже с тем, что утром он сидел внутри железной бочки.

Они отошли в сторону, к тени от большого каменного выступа, и сели прямо на землю.

Бенни дул на суп, смотрел на пар и думал, что после голода даже простая еда кажется благословением. Он вдруг вспомнил вчерашний праздничный обед, мясо, сыр, сладкий треугольник, от которого хотелось плакать. От воспоминания стало одновременно хорошо и грустно.

— Горячий, — сказал Фома, зачерпнув ложкой суп и немедленно обжегшись.

— Дай остынет, — сказал Пит.

— Тогда кто-нибудь съест.

Пит посмотрел на него с уважением.

— В этом есть правда.

Фер сидел напротив, держа миску обеими руками. Он ел спокойно, без спешки, хотя Бенни видел, что и он голоден. Нашивку он снова поправил, прежде чем взяться за хлеб.

Бенни оглядел плац.

Зеленые ПЕКи были видны в стороне. Их носители стояли отдельной группой, не бежали к раздаче, не толкались и не разговаривали. Они просто ждали. Никто не нес им мисок. Никто не приглашал их к еде.

Бенни нахмурился.

— Фер, — спросил он. — Почему они не едят?

Фер посмотрел туда же.

На его лице ничего не изменилось, но он ответил не сразу.

— Они не такие, как мы, — сказал он наконец. — Мы будущие скитарии. Они кто-то другой.

— А кто?

Фер пожал плечами.

— Не знаю.

Бенни хотел спросить еще. Ему было трудно смотреть, как люди стоят отдельно и не получают еды. В деревне, если кто-то оставался без миски на празднике, это считалось позором для хозяев. Даже старому пьяному Гвидо, который каждый год засыпал под забором еще до первой молитвы, всегда оставляли тарелку.

Но здесь все было иначе.

Может быть, зеленые уже ели. Может быть, им не нужна была еда. Может быть, у них был особый пост. Может быть, они сделали что-то такое, о чем Бенни не знал.

Он почувствовал, как в голове снова рождается неудобный вопрос.

И снова загасил его молитвой.

«Господи, не дай мне судить то, чего я не понимаю».

Он отломил хлеб и стал есть дальше.

После обеда им дали только несколько минут отдыха. Пит лег спиной на теплый камень и закрыл глаза, но Морис тут же возник над ним.

— Маерс, ты решил стать частью плаца?

— Нет, архидиакон. Я просто слушал, как земля дышит.

— Земля не дышит.

— Значит, это я дышал.

— Вставай.

Пит поднялся, вздохнул и принялся стряхивать с комбинезона пыль, которой на нем почти не было.

Морис повел их на другую сторону плаца, где начиналась полоса препятствий.

Там были бревна, наваленные друг на друга, камни, низкие стены, узкие проходы, канавы и ямы с грязью. Грязь была темной, густой, блестящей на солнце и выглядела так, будто ее собрали со всех полей мира, где люди когда-либо забывали чистить сапоги.

— Это полоса препятствий, — объявил Морис. — Уставшее тело не дает рождаться вредным мыслям.

Он сказал это с такой убежденностью, будто лично проверял на себе много лет.

Бенни посмотрел на полосу и вспомнил, как они с деревенскими ребятами бегали по оврагам. Там были колючки, сухая трава, камни и пыль. Там тоже можно было упасть, разбить колено и потом получить от матери за испорченные штаны.

Но здесь было хуже.

«Там было проще, — подумал Бенни. — Там не было грязи, только пыль».

— Вперед! — рявкнул Морис. — Не думайте! Прыгайте! Ползите! Лезьте! Если кто-то решит утонуть в луже, я его вытащу. Но ужинать он будет стоя!

Первым пошел Фер. Он ловко перелез через бревна, пробежал по камням, перепрыгнул узкую канаву и нырнул под низкую перекладину. Двигался он не как человек, которому все легко, а как человек, который решил, что легко или трудно — не имеет значения.

Бенни пошел за ним. Бревна оказались скользкими. На одном он едва не поехал ногой, но удержался, схватившись руками. Мозоли на ладонях, оставшиеся от работы с огурцами и корзинами, здесь вдруг пригодились. Он подтянулся, перелез, упал с другой стороны на колени и тут же вскочил.

Сзади раздался крик Пита.

Бенни обернулся.

Пит добрался до первого препятствия, поставил ногу на бревно, попытался перелезть и соскользнул в грязную яму так основательно, будто эта яма была его родным домом и давно ждала возвращения.

Грязь брызнула во все стороны. Она покрыла ему комбинезон, волосы, лицо и даже веснушки, так что теперь Пит выглядел не рыжим, а темно-коричневым.

Его ПЕК тут же запищал.

— Ошибка. Загрязнение датчика.

Пит поднял руку из грязи.

Устройство мигало и произносило что-то быстро, на незнакомом языке. Слова были резкие, не похожие ни на молитву, ни на команды, ни на речь Мориса.

— Я не знаю этого языка! — завопил Пит. — Я вообще ни одного языка не знаю!

Бенни, не раздумывая, подбежал к нему и протянул руку.

— Давай.

Пит ухватился за него. Он был легкий, но грязь держала крепко, чавкала и не хотела отпускать. Бенни уперся ногами, потянул. Фер вернулся с другого конца препятствия и схватил Пита за вторую руку.

Вместе они вытащили его.

Пит вывалился на сухую землю, тяжело дыша и отплевываясь.

— Спасибо, — сказал он. — Я думал, она меня съест.

— Грязь не ест людей, — сказал Фер.

Пит посмотрел на комья, налипшие на его рукава.

— Эта еще не решила.

Морис подошел, посмотрел на Пита и неожиданно не закричал.

— Маерс, — сказал он. — Если твой ПЕК сдохнет от грязи, я заставлю тебя его откапывать зубами. Но пока он пищит — значит, жив. Продолжай.

Пит встал.

— Главное — не умереть с голоду, — пробормотал он. — Остальное приложится.

— После этой лужи тебе точно нечего бояться голода, — заметил Фома. — Ты уже почти поел земли.

Пит хотел ответить, но вместо этого вытер грязь с губ и поморщился.

— Невкусная.

Оливер проходил полосу очень медленно. Он боялся каждого бревна, каждой ямы, каждого камня. На низкой стене он остановился, не зная, как перелезть, и несколько секунд просто стоял, смотря на нее.

— Буатье! — крикнул Морис. — Стена тебя не съест!

Оливер поднял голову.

— А если…

— Нет!

Оливер кивнул, собрался и полез. Он сорвался на середине, но Бенни успел подставить плечо, и Оливер не упал в грязь. Фер с другой стороны подтолкнул его вверх.

Оливер оказался наверху, замер, а потом быстро перебрался на другую сторону.

— Спасибо, — прошептал он.

— Потом домой захотим вместе, — сказал Пит, вылезая из лужи и пытаясь улыбнуться.

Оливер посмотрел на него.

— Я хочу домой.

— Я знаю, — ответил Пит уже без шутки.

Фома шел последним. Он не прыгал и не суетился. Он просто преодолевал каждое препятствие по очереди. Если надо было перелезть — перелезал. Если надо было ползти — полз. Если грязь цеплялась за сапоги, он вытаскивал ноги с таким терпением, будто работал на тяжелой земле после дождей.

Все шло хорошо, пока он почти не дошел до конца.

Последняя яма была широкой, но неглубокой. Фома перепрыгнул ее, приземлился удачно, сделал еще несколько шагов и вдруг поскользнулся на мокрой земле. Он упал вперед всем своим тяжелым телом, подняв такой фонтан грязи, что Пит, стоявший в нескольких шагах, инстинктивно закрыл лицо руками.

ПЕК Фомы забился темной жижей и немедленно начал издавать странные звуки.

Это и правда походило на молитву, только на чужом, непонятном языке. Устройство то пищало, то трещало, то гудело тонко и жалобно, будто маленький железный священник пытался провести службу, забыв все слова.

Фома сел прямо в грязи и посмотрел на руку.

— Я ничего не делал, — сказал он.

Морис подошел к нему, потрогал металлический глаз.

— Лур, если твой ПЕК начнет проповедовать, я тебя оставлю без ужина!

Фома мгновенно перестал смотреть на устройство.

— Он не будет, архидиакон.

— Вот и хорошо. Отмывайся.

— Вода есть?

— Есть.

— Теплая?

— Лур!

— Понял.

Остаток занятия превратился для Бенни в длинную череду прыжков, падений, грязи и тяжелого дыхания. Он уже не думал о том, зачем это нужно. Ноги двигались сами. Руки цеплялись за бревна. Легкие горели. Пот тек по лицу, смешиваясь с пылью. ПЕК на руке то холодил кожу, то едва заметно вибрировал, словно тоже уставал вместе с ним.

Когда Морис наконец объявил конец, Бенни не поверил сначала.

Он просто стоял, согнувшись, упираясь ладонями в колени, и пытался вдохнуть так, чтобы воздух перестал резать грудь.

— Не лежать! — немедленно крикнул Морис. — Лежать будете ночью, если достойно переживете вечернюю проверку. А пока — в санитарную комнату. Вымыться. Одежду привести в вид, не оскорбляющий память всех святых. ПЕКи очистить. И чтобы через двадцать минут я видел перед собой не болотных духов, а курсантов.

Пит поднял голову.

— А болотных духов тоже кормят?

Морис посмотрел на него.

— Маерс, ты удивительный человек. Я не знаю, чем тебя кормили в детстве, но если ты продолжишь, я выясню и запрещу это на территории академии.

Пит кивнул с уважением.

— Главное — не умереть с голоду, — снова сказал он.

— Да замолчи ты уже про голод, — простонал Оливер.

Пит посмотрел на него почти обиженно.

— А что еще важнее?

Оливер задумался. Потом тихо ответил:

— Домой.

Вечер пришел незаметно. В академии свет почти не менялся, и Бенни понял, что здесь время определяется не небом, а приказами, звонами, сагатами и тем, когда тебе велят есть. Однако после ужина, когда отделение вернулось в казарму, в теле появилось то особое тяжелое спокойствие, которое бывает после долгого дня работы.

Они вымылись. Вернее, пытались вымыться.

Пит долго стоял под водой, оттирая грязь с ушей. Вода стекала по его рыжим волосам темными струйками. Он уверял, что в левом ухе у него поселился маленький кусок плаца и теперь, возможно, будет жить там до конца службы.

Фома тщательно протирал ПЕК мягкой тряпицей, которую им выдали. Устройство уже перестало проповедовать и снова светилось обычным синим светом.

— Он живой? — спросил Бенни.

— Не знаю, — ответил Фома. — Но если он сломается, меня оставят без ужина.

Это казалось ему самым убедительным доводом.

Оливер сидел на своей койке, поджав ноги, и сушил волосы полотенцем. Он выглядел усталым до прозрачности. Фер проверял, ровно ли висят их комбинезоны, и дважды поправил нашивку, хотя она и без того была пришита крепко.

Бенни сел на свою кровать.

Все тело ныло. Плечи казались чужими. На ладонях темнели следы грязи, которую не удалось до конца отмыть из складок кожи. Он поднял руку и стал рассматривать ПЕК.

Тот светился синим.

Ровно, спокойно, без писка.

Он потрогал его пальцем.

ПЕК был холодный.

— Что, все думаешь про эту железку? — спросил Фер.

Бенни поднял голову.

Фер сел рядом с ним. Его длинные ноги почти упирались в противоположную стену. Вблизи Бенни видел, что Фер тоже устал. Под глазами у него лежали темные тени, на руках были свежие царапины от бревен, но сидел он прямо.

— Думаю, — признался Бенни. — Он следит за мной?

Фер не ответил сразу.

Он смотрел на свой ПЕК. Потом поправил нашивку, хотя в этот раз движение вышло медленным и неуверенным.

— Он не следит, — сказал он наконец. — Он записывает.

Бенни нахмурился.

— А это не одно и то же?

Фер пожал плечами.

— Может, и одно. Он записывает все, что ты делаешь. Все, что говоришь. Что ешь. Сколько раз ты моргнул.

Бенни посмотрел на свою руку так, словно железка могла прямо сейчас назвать число его морганий.

— Зачем?

Фер молчал.

Потом сказал:

— Потому что так надо. Мы их собственность. Мы их орудие. Как меч, как лопата. У лопаты нет вопросов — она просто копает.

Эти слова упали между ними тяжело.

Бенни почувствовал, как в груди снова поднимается то неприятное, колючее чувство. Он вспомнил бабушку и корову с клеймом. Вспомнил, как сам сегодня подумал: «Теперь я знаю, чей я».

— А если лопата сломается? — спросил он.

Фер посмотрел на него.

— Ее чинят. Или берут другую.

Бенни опустил голову.

Эта мысль была страшной. Не потому что он не верил Феру. Наоборот, Фер говорил так спокойно, что не верить ему было трудно. Но если человек — лопата, то что остается от человека? Его молитвы? Его память о доме? Его мать? Его желание однажды снова съесть огурец с собственной грядки?

Он хотел спросить, неужели это правильно.

Но слова не вышли.

Вместо этого Бенни перекрестился.

«Святые носили вериги», — подумал он.

Отец Фар рассказывал о Вацлаве-огнеборце, который носил железные цепи, чтобы помнить о тяжести греха и о долге перед Верой. Цепи натирали кожу, мешали спать и ходить, но святой не снимал их. Потому что вериги были не наказанием, а служением.

«Может, ПЕК — это мои вериги», — подумал Бенни. — «Я ношу их ради Веры».

От этой мысли стало немного легче.

Он сжал ладонь так, чтобы холодная железка оказалась между пальцами.

— Фер, — спросил он тихо. — Ты боишься?

Фер посмотрел вперед.

В казарме было тихо. Пит уже лежал, завернувшись в одеяло, и, кажется, пытался жевать край подушки, но вовремя остановился. Фома сидел на соседней койке, проверяя, не осталось ли у него в карманах хлебных крошек. Оливер лежал лицом к стене.

— Боюсь, — ответил Фер.

Бенни удивился. Он думал, что Фер не боится ничего.

Фер заметил его выражение и чуть качнул головой.

— Вера — это когда делаешь, даже если не понимаешь, — сказал он. — И даже если боишься.

Бенни долго молчал.

Потом кивнул.

— Я не понимаю, — сказал он. — Но я делаю.

— Вот и правильно.

ПЕК на руке Бенни вдруг мигнул, а потом его синий свет стал слабее. Может быть, устройство переходило в ночной режим. Может быть, оно просто устало. Может быть, оно действительно услышало разговор и решило не мешать.

Бенни лег на койку.

Грубое одеяло снова коснулось кожи, колючее, как августовские огуречные листья. Он повернулся на бок, устроил руку так, чтобы ПЕК не давил на матрас, и закрыл глаза.

Перед сном он тихо прошептал:

— Господи, дай мне силы выдержать эту железку. Дай мне силы не бояться. Дай мне не забыть, что я человек, даже если я должен быть орудием. И сохрани моих товарищей, особенно Оливера, потому что он хочет домой, Пита, потому что он может умереть от собственной болтовни, Фому, потому что он голоден всегда, и Фера, потому что он делает вид, будто все знает.

Он помолчал.

Потом добавил:

— И архидиакона Мориса тоже сохрани. Хотя ему, наверное, и так ничего не сделается.

Где-то на соседней койке Пит тихо хмыкнул. Значит, он не спал.

— А меня? — прошептал он.

Бенни улыбнулся в темноту.

— И тебя.

— Главное — не умереть с голоду, — сонно сказал Пит.

— Спи, Маерс, — донесся голос Мориса из-за двери.

Все пятеро замерли.

Потом за дверью послышались удаляющиеся шаги.

Фома тихо выдохнул.

— Он что, там был?

— Наверное, — шепнул Оливер.

— Я хочу домой, — добавил он почти неслышно.

Фер ответил ему из темноты:

— Спи. Завтра будет новый день.

Бенни слушал, как затихают голоса. Он ощущал холодный ПЕК на руке, словно маленькую железную цепь, которую ему велели носить. Он не понимал, для чего бочки, крестики, красные квадраты, грязные ямы и записи каждого его моргания. Он не понимал, почему люди с зелеными огнями стояли без еды. Он не понимал, как можно быть одновременно человеком и лопатой.

Но он знал другое.

Утром прозвучат сагаты.

Морис ворвется в комнату.

Придется вставать.

И Бенни встанет.

Потому что так велят.

Потому что вера — это когда делаешь, даже если не понимаешь.

Глава 3 И всякая плоть, вращающаяся в круге

Через несколько дней Бенни перестал просыпаться от первого удара сагатов.

Это случилось не сразу. В первые утра он всякий раз вскакивал так резко, словно под ним вспыхивала сухая трава, и несколько секунд стоял, не понимая, где кончается сон, где начинается явь и почему над ухом гремит железный гром. Потом он обнаруживал белые стены казармы, грубое одеяло, иконы над койками, темный блеск ПЕКа на руке и лицо архидиакона Мориса, которое обычно появлялось в дверном проеме раньше или позже, но неизменно вовремя для того, чтобы убедиться: никто из его кадетов не посмел умереть ночью без соответствующего разрешения.

Но день за днем тело Бенни стало учиться.

Оно училось вставать до сагатов, потому что за несколько минут до них ПЕК начинал тускло мерцать синим, будто в его холодной глубине разгорался крошечный ночной огонек. Оно училось узнавать, когда именно нужно сунуть ноги в сапоги, когда натянуть комбинезон, когда успеть привести в порядок постель, прежде чем Морис зайдет и своим единственным живым глазом заметит каждую складку одеяла. Оно училось есть быстро, не обжигаясь, хотя Фома все равно ел быстрее. Оно училось бежать строем, не наступая на пятки Феру и не подставляя спину под случайные толчки Пита. Оно училось протирать ПЕК после упражнений, потому что однажды Пит, не особенно тщательно вымывший руку после полосы препятствий, услышал от своего устройства такой протяжный и обвиняющий писк, что потом целый вечер крестился, думая, будто железка доносит на него прямо святым.

Тело Бенни училось.

А душа, как ему казалось, старалась не отставать.

В академии дни складывались один на другой, словно одинаковые огурцы в деревянном ящике перед отправкой на рынок. Каждый был похож на предыдущий, но если присмотреться, у каждого находилась своя царапина, своя кривизна, своя темная точка у хвостика. В один день им велели бегать с мешками, набитыми чем-то мелким и тяжелым, и Фома потом долго пытался выяснить, нельзя ли эти мешки вскрыть, потому что если внутри зерно, то оно по всем правилам должно быть съедобным. В другой день диакон Игнатий снова усадил их в железные бочки и требовал, чтобы они совмещали крестики с красными квадратами быстрее, точнее и без тех выражений лица, которые, по его мнению, могли бы вызвать жалость даже у неисправных машин.

Бенни понемногу стал понимать тренажеры.

Не так, как понимал огурцы. Огурцы были понятны полностью: если лист желтеет — надо полить, если плеть обвисла — надо посмотреть, не завелась ли тля, если плод слишком большой и мягкий — его лучше съесть самому, пока мать не заметила. С железной бочкой такого не было. Она не росла, не пахла землей, не отвечала на доброе слово и совершенно не интересовалась, голоден ли человек, который в нее садится.

Но у нее были правила.

Если повернуть рукоять — двигался крестик. Если нажать нужную кнопку — появлялась зеленая надпись. Если нажать не ту — тренажер начинал гудеть, а Игнатий кричал так, словно кто-то лично испортил ему огород. И правила, как обнаружил Бенни, были похожи на молитвы. Сначала они казались длинными и непонятными. Потом пальцы сами находили нужный порядок.

Иногда у него получалось.

После этого Бенни чувствовал не гордость даже, потому что гордость была грехом и бабушка всегда говорила, что гордый человек похож на перезрелый огурец: снаружи раздулся,

а внутри уже пустой и горький. Нет, Бенни ощущал другое — тихую благодарность, будто ему позволили еще раз не ошибиться.

Фер получался лучше всех.

Он не говорил об этом и не смотрел на других свысока. Просто садился в бочку, поправлял нашивку «Голубых львов», которую теперь носил с тем особенным тщанием, с каким отец Фар поправлял край праздничного облачения перед службой, и делал все, что требовалось. Его темные руки уверенно лежали на рукоятях, а глаза не отрывались от экрана.

Когда у Оливера не выходило, Фер после занятий показывал ему движения руками, без тренажера, прямо в казарме. Оливер сидел за столом, кусал губу и повторял. Пит при этом непременно начинал объяснять по-своему, путался, показывал не ту кнопку, а потом удивлялся, почему Фер просит его не помогать.

— Я же хочу как лучше, — говорил Пит с обидой.

— Ты всегда хочешь как лучше, — отвечал Фер.

— Вот именно.

— А получается как у тебя получается.

Пит некоторое время размышлял над этими словами, двигая челюстью, будто жевал невидимую корку.

— Главное — не умереть с голоду, — заключал он наконец. — Остальное приложится.

Фома на занятиях с бочками по-прежнему оставался загадкой.

Он мог долго сидеть перед экраном, не шевелясь, словно заснул с открытыми глазами, а потом вдруг нажать несколько кнопок так, что на экране вспыхивала зеленая строка. Диакон Игнатий при этом каждый раз снимал очки, протирал их и смотрел на Фому снова, как будто надеялся обнаружить подвох в его широком, круглом лице.

— Лур, — спрашивал он. — Ты вообще понимаешь, что сделал?

Фома пожимал плечами.

— Я нажал.

— Но почему именно так?

— Потому что так надо было.

— Откуда ты знаешь?

Фома чесал живот.

— Не знаю.

Игнатий начинал дергать себя за мочку уха.

— Вы что, в бахче собрались урожай собирать?! — восклицал он. — Здесь должно быть понимание! Осмысление! Последовательность!

Фома смотрел на него с выражением человека, которому сказали, что картошку нужно копать не лопатой, а словесным осмыслением.

— Мне все равно, — отвечал он. — Главное — чтобы кормили.

И каким-то непонятным образом бочка слушалась его.

Бенни привыкал и к ПЕКу.

Сначала он проверял его каждое утро, трогал пальцем края, боялся, что железка отвалится и он останется без двери, без маршрута, без возможности даже найти столовую. Потом он перестал думать о нем каждую минуту. ПЕК оставался на руке, светился, когда надо было пройти в помещение, тихо сообщал распорядок, иногда требовал подтверждения, иногда пищал, если Бенни слишком долго стоял не там, где ему велено было стоять.

Он стал похож на мозоль.

Мозоль сначала болит, мешает держать корзину, напоминает о себе при каждом движении. Потом кожа грубеет, и человек уже не замечает, что там, где прежде была боль, появилось что-то твердое, нужное для работы.

Иногда, особенно вечером, Бенни все-таки смотрел на синий огонек и вспоминал, как Фер назвал ПЕК поводком. От этого в груди становилось неприятно. Но потом Бенни думал о веригах святых. Если святой мог носить железо ради веры, то и он сможет носить маленькую светящуюся железку.

Только у святых, наверное, вериги не открывали двери.

В то утро Бенни проснулся еще до того, как ПЕК начал светиться сильнее.

Он лежал с открытыми глазами и слушал тишину.

В казарме было прохладно. Белый свет еще не стал ярким, а только серел в верхних полосах стен. Над кроватями висели иконы. Вацлав-огнеборец смотрел вперед строго и бесстрастно, держа в руке пламя, которое на изображении почему-то не обжигало ни его ладонь, ни рукав. Бенни уже несколько раз хотел спросить, как именно святой сумел носить огонь, но после разговора с Фером о ПЕКе решил, что не всякое непонятное надо разбирать словами.

Рядом Фома уже сидел.

Он сидел на своей койке, немного ссутулившись, и медленно жевал что-то, зажав в крупных пальцах. В полутьме его лицо казалось еще круглее, а маленькие глаза смотрели сонно и спокойно. От него едва заметно пахло хлебом.

Бенни приподнялся на локте.

— Ты уже ешь? — спросил он шепотом.

Фома повернул голову.

— Я всегда ем.

— Откуда у тебя хлеб?

Фома задумался.

— Был.

— Где?

— Там.

Он кивнул в сторону своей тумбочки.

Бенни посмотрел на тумбочку с некоторым уважением. В ней, оказывается, могли происходить вещи, о которых он даже не подозревал.

— Тебе Морис не сказал, что нельзя хранить еду?

— Не сказал.

— Он говорил, что порядок должен быть.

— У меня порядок. Хлеб лежит отдельно.

Бенни не смог с этим спорить. В словах Фомы была простая, тяжелая правда, похожая на камень: хлеб и правда лежал отдельно, значит, порядок соблюден.

Фома доел сухарь, тщательно собрал крошки с ладони и отправил их в рот.

— Если я не ем, я не могу думать, — сказал он. — А если я не могу думать, я не могу молиться.

Бенни неожиданно улыбнулся.

Он начал понимать Фому.

Не до конца, конечно. Фома был похож на большой засолочный бочонок не только снаружи. Внутри у него, наверное, тоже происходили сложные, тихие процессы, которые никто не видел. Но Бенни понял, что еда для Фомы была не просто едой. Она была тем же, чем для Бенни была привычная работа на бахче: способом держаться, не расползаться от страха, помнить, что мир устроен хоть как-то правильно.

— А что ты думаешь, когда ешь? — спросил Бенни.

Фома почесал живот.

— О еде.

— И все?

— А что еще думать?

Бенни хотел ответить, что можно думать о доме, о семье, о Боге, о рыцарях, о том, почему академические стены светятся без свечей. Но потом понял, что Фома, возможно, и о Боге думал через еду. Ведь хлеб был дан человеку, вода была дана человеку, урожай был дан человеку. А если Господь дает хлеб, то думать о хлебе — не так уж далеко от молитвы.

ПЕК на руке Бенни мягко вспыхнул синим.

Через мгновение загрохотали сагаты.

Теперь Бенни не подскочил. Он сел, сунул ноги в сапоги и потянулся за комбинезоном еще прежде, чем дверь открылась.

Морис вошел в казарму не с криком, как обычно.

Это сразу насторожило Бенни.

Архидиакон остановился в дверях, скрестил руки на груди и молча оглядел отделение. Его седые волосы стояли коротким жестким ежом. Металлический осколок на месте глаза тускло поблескивал. Живой глаз смотрел так внимательно, что Бенни почувствовал себя огурцом, который покупатель долго вертит в руках, проверяя, не слишком ли он мягок и нет ли на боку скрытой гнили.

Пит, еще наполовину завернутый в одеяло, медленно сел.

— Архидиакон, — осторожно сказал он. — Мы уже встаем.

— Я вижу, — ответил Морис.

Он говорил тихо.

От этого тишина в казарме стала еще плотнее.

Оливер застыл у своей кровати, сжимая край комбинезона. Фер уже стоял, заправленный, собранный, с ровно застегнутым воротом. Он только один раз поправил нашивку на рукаве, но сделал это быстро, почти незаметно.

— Вы привыкли, — произнес Морис. — Это плохо.

Никто не ответил.

— Привыкание делает человека ленивым. Ленивый человек думает, что знает, что его ждет. А потом в него прилетает что-нибудь тяжелое, горячее или быстрое, и он умирает с лицом полного удивления.

Пит сглотнул.

— Сегодня у вас будет новое испытание, — продолжил Морис. — Оно покажет, чего вы стоите на самом деле.

Он потер руки.

Бенни почувствовал, как внутри у него все сжалось.

Когда Морис потирал руки, это означало, что впереди будет нечто такое, от чего ему самому, по непостижимой причине, становилось радостно. Бенни уже видел это перед бегом, перед полосой препятствий, перед тренировкой с камнями, когда их заставили таскать груз вверх по лестнице, пока Пит не спросил, нельзя ли нести камень вдвоем, и получил ответ, что в бою ему, возможно, придется нести не камень, а товарища, причем товарищ будет кричать, кусаться и не помогать.

— Центрифуга, — сказал Морис.

Слово повисло в воздухе.

Бенни слышал его впервые.

Оно было длинное, тяжелое и неприятное, как имя болезни, которой никто не хочет болеть.

— Для тех, кто не знает, — сказал Морис, — центрифуга — это большая машина, которая вращает вас с огромной скоростью. Она укрепляет дух через телесное напряжение. Многие плачут. Некоторые блюют. Те, кто выдерживает, становятся сильнее.

Пит медленно поднял руку.

— А те, кто плачут и блюют?

— Те плачут и блюют, Маерс.

— А потом?

— Потом их отмывают. Если успеют.

Пит опустил руку.

— Главное — не умереть с голоду, — произнес он без прежней уверенности.

— При чем тут голод? — спросил Фома.

— Не знаю. Но когда страшно, я всегда это говорю.

Фома кивнул, словно это объяснение было вполне достойным.

Бенни почувствовал, как страх сжимает ему желудок. Он вспомнил железную бочку у Игнатия, ее гул, вибрацию, собственные руки на рукоятях. Вспомнил падающую капсулу, где тело то становилось легким, то тяжелым, а вокруг кричали люди.

«Это будет хуже», — подумал он.

Слова Мориса про вращение сразу породили в голове картину: его посадят в железное ведро, привяжут, раскрутят, а потом он будет летать внутри, как огурец в корзине, если телегу на кочке перевернуло. Он попытался представить, как именно можно укрепить дух, крутя человека по кругу, и ничего не понял.

Но непонимание не отменяло приказа.

«Центрифуга — это как пост, как епитимья, — сказал он себе. — Святые страдали. Значит, я должен страдать. Это очищение. Это подготовка к служению».

Оливер побледнел так заметно, что даже в ровном академическом свете его лицо стало почти бесцветным.

Он сидел на краю койки, сжав руки между коленями. Пальцы его быстро перебирали ткань комбинезона. Он посмотрел на Бенни, потом на Фера, потом на Мориса и шепнул:

— Я хочу домой.

Пит, который обычно не мог удержаться от болтовни, на этот раз не стал смеяться. Он подошел к Оливеру и положил худую, грязноватую после вчерашней тренировки ладонь ему на плечо.

— Мы все хотим домой, — сказал он. — Но мы здесь. И мы не умрем. Наверное.

— Маерс, — произнес Морис.

— Я сказал «наверное», архидиакон.

— Вот это меня и беспокоит.

Фер посмотрел на Бенни. Он стоял прямо, высокий, худой, темнокожий, с волосами, которые снова пытались упасть ему на лоб. Но на этот раз он не откинул их сразу. Бенни увидел, что пальцы Фера сжаты в кулак.

— Ты не боишься? — спросил Бенни.

Фер перевел взгляд на него.

— Боюсь.

Ответ прозвучал просто.

Бенни почему-то ожидал, что Фер скажет: нет, не боюсь, потому что вера, потому что долг, потому что они «Голубые львы». Но Фер не стал притворяться.

— Я боюсь, — повторил он. — Но я молюсь. Молитва — это щит. Ты тоже молись.

Бенни кивнул.

— Буду.

— И не думай заранее, как будет плохо.

— А как не думать?

Фер слегка пожал плечами.

— Думай о том, что надо сделать сначала. Встать. Одеться. Дойти. Сесть. Дышать. А потом будет потом.

Это было разумно. По-деревенски разумно. Когда на бахчу надвигалась гроза, нельзя было сразу думать обо всем урожае, который может побить градом. Надо было сначала убрать корзины, закрыть навес, позвать младших из поля. Потом уже молиться о плетях.

Бенни почувствовал благодарность к Феру.

Морис хлопнул ладонью по двери.

— Умылись, оделись, построились! И чтобы через три минуты я не видел ни одного лица, на котором написано «я маленький испуганный ребенок». Хотя, судя по вашим лицам, стереть это будет трудно.

Они задвигались.

Умывание прошло в тишине. Даже Пит не пытался спорить с водой. Оливер несколько раз ронял полотенце, и Бенни поднимал его, не говоря ничего. Фома, доев свой сухарь, тщательно мыл руки, а потом с подозрением посмотрел на ПЕК, словно боялся, что устройство каким-то образом узнало о спрятанном хлебе.

— Он не скажет? — спросил он у Бенни.

— Кто?

— Вот этот.

Бенни понял не сразу.

— Про хлеб?

Фома кивнул.

— Не знаю.

Фома нахмурился.

— Если скажет, Морис заберет хлеб.

— Наверное.

Фома задумался так глубоко, что на миг перестал шумно дышать.

— Тогда я буду есть быстрее.

Это решение показалось ему окончательным и правильным.

На завтрак им дали кашу, хлеб и слабый горячий напиток, который Бенни сначала принял за чай, но потом понял, что это было нечто другое. Напиток пах травами, железом и немного дымом. Пит понюхал кружку, поморщился, но выпил все до дна.

— Надо есть, пока дают, — сказал он. — Вдруг потом центрифуга вытрясет из нас завтрак.

— Она не может вытрясти то, что внутри, — сказал Оливер.

— Откуда ты знаешь?

Оливер открыл рот, но ничего не ответил.

— Не спорьте о том, чего не знаете, — тихо сказал Фер. — Ешьте.

Фома ел так сосредоточенно, словно центрифуга уже стояла за его спиной и пыталась отнять ложку. Он доел кашу, потом долго скреб дно миски, потом аккуратно собрал крошки хлеба с ладони.

Бенни видел, как Морис наблюдает за ними издалека. Архидиакон стоял у стены, держал руки за спиной и разговаривал с другим наставником. В какой-то момент он поймал взгляд Бенни, кивнул ему и сделал короткий жест: быстрее.

Бенни сразу проглотил остаток хлеба.

После завтрака им не дали обычной разминки. Не заставили бегать, не вывели на плац, не посадили за столы с экранами. Морис повел их по незнакомому коридору.

Коридор был шире обычного. Стены здесь не украшали ни молитвенные строки, ни изображения рыцарей. Только через равные промежутки на них виднелись черные знаки в белых кругах. Бенни не понимал их, но от этих знаков почему-то становилось неуютно.

В воздухе пахло металлом и чем-то острым, похожим на запах после грозы, когда молния ударила совсем близко и земля еще долго помнит это место.

Они шли молча.

Пит сначала пытался жевать губу, потом перестал. Оливер держался между Бенни и Фером. Фома смотрел по сторонам с привычным спокойствием, но его рука время от времени тянулась к животу, будто он проверял, на месте ли завтрак.

— А если нас будет крутить долго? — спросил Пит наконец.

— Будет долго, — ответил Морис.

— А насколько долго?

— Дольше, чем тебе понравится.

— А если я попрошу остановить?

Морис посмотрел через плечо.

— Тогда остановят.

Пит выдохнул с облегчением.

— Но ты потом будешь объяснять мне, — продолжил Морис, — почему ты не способен выдержать то, что выдерживает любой приличный скитарий. И объяснять будешь долго. Пока не поймешь сам или пока я не устану слушать.

Пит помрачнел.

— Я лучше покручусь.

— Мудрое решение.

Они миновали несколько дверей. ПЕК Бенни время от времени тихо вибрировал, подтверждая маршрут. В конце коридора перед ними открылась высокая арка, и оттуда донесся глубокий, ровный гул.

Звук не был громким, но Бенни почувствовал его ногами.

Так гудела земля, когда в деревню по большой дороге проходила тяжелая грузовая машина с прицепом. Сначала еще ничего не видно, только в стаканах на полках начинает дрожать вода, собаки поднимают головы, а потом из-за поворота появляется железное чудовище, большое, пыльное, ревущее.

Здесь машины не было.

Но гул был.

Морис остановил их у входа.

— Запомните, — сказал он. — У вас есть только одно хорошее решение: делать то, что велят. Все остальные решения будут плохими. Если кому-то станет страшно — молитесь. Если кому-то станет плохо — терпите. Если кому-то станет совсем плохо — не пачкайте казенное имущество. Оно стоит дороже вас.

Пит посмотрел на Бенни.

— Это он шутит?

Бенни не знал.

Фер тихо произнес:

— Не спрашивай.

Дверь открылась.

Зал за ней был огромен.

В центре стояла конструкция, которую Бенни сначала не смог понять целиком. Она поднималась от пола до самого высокого потолка и состояла из широкого металлического кольца, укрепленного на тяжелой оси. По внешнему краю кольца располагались небольшие капсулы, похожие на закрытые кабинки от детской карусели, если бы кто-то решил сделать такую карусель для великанов, которые не любят детей.

Кольцо было неподвижно.

Но от него исходило чувство движения.

Оно казалось таким большим, что Бенни подумал о мельнице в деревне. Там на старом холме стояла ветряная мельница, уже почти не работавшая. Ее крылья скрипели на ветру, мед-

ленно поворачивались, а мальчишки иногда бегали туда смотреть, как тень от лопастей ползет по траве. Отец запрещал им залезать близко, потому что старое колесо могло сорваться, а быть раздавленным мельницей считалось смертью одновременно глупой и очень неудобной для похорон.

«Только это колесо вращается не от ветра, — подумал Бенни. — Оно вращается от них самих».

Вокруг конструкции стояли пульты, кабели и несколько служителей в темных комбинезонах. На стенах мерцали схемы, испещренные линиями и числами. Бенни не понимал ни одной из них, но увидел, что некоторые цифры меняются, хотя машина пока не двигалась.

Перед кольцом стоял человек.

Он был невысоким, но очень плотным. Его плечи казались широкими, как две двери, поставленные рядом. Руки свисали по бокам тяжелыми лопатами. Голова у него была совершенно лысой, и на лысине чернела татуировка — крест, простой и четкий, будто его нарисовали углем, но так глубоко, что рисунок стал частью кожи.

Человек смотрел на курсантов.

Ничего не говорил.

Его взгляд был тяжелым, как камень на дне колодца. Не тот камень, который можно сдвинуть вдвоем, а тот, о котором деревенские старики рассказывают, будто он лежит там с сотворения мира и никогда не видел солнца.

Курсанты сами выстроились в ряд.

Даже Пит не спросил, надо ли.

Морис подошел к человеку, коротко поклонился.

— Диакон Сергий, — сказал он. — «Голубые львы». Молодые, глупые, но пока неразбитые.

Сергий посмотрел на них еще раз.

Потом чуть наклонил голову.

Морис отступил в сторону.

Диакон Сергий сделал жест рукой. Ладонь его медленно пошла вниз, и Бенни сразу понял: молчать.

Потом Сергий показал на ряд капсул.

— По очереди, — сказал он.

Голос у него был негромким. Он не кричал, не давил, не гремел, как Морис. Но каждое слово ложилось в зал тяжело и ровно, будто на каменный пол ставили большой сосуд с водой.

— Садитесь. Пристегиваетесь. Машина начинает вращение. Вы чувствуете кровь. Она отливает от головы. Чувствуете тело. Оно становится тяжелее. Чувствуете воздух. Его становится мало.

Он сделал паузу.

Бенни сглотнул.

— Это очищение, — продолжил Сергий.

Его глаза не изменились.

— Тот, кто не выдержит, попросит остановить. Мы остановим. Но это будет значить, что он слабый. А слабый не станет скитарием.

Никто не шевельнулся.

Сергий посмотрел на каждого по очереди. На Фера, который стоял прямо. На Пита, который пытался не двигать челюстью, но все равно двигал. На Оливера, который уже сжимал губы так сильно, что белел вокруг рта. На Фому, который смотрел на капсулы с выражением не страха, а осторожного недовольства, словно прикидывал, удобно ли будет там сидеть.

Наконец Сергий остановил взгляд на Бенни.

Бенни почувствовал, как ПЕК на руке стал холоднее.

— Боль — это очищение, — сказал Сергий.

Бенни не знал, был ли это приказ, урок или просто истина, которую надо запомнить. Поэтому он тихо повторил про себя:

«Боль — это очищение».

Отец Фар действительно рассказывал о святых, которые постились, носили вериги, бичевали себя, стояли на коленях на холодном камне, чтобы тело не мешало душе идти к Богу. Тогда Бенни слушал эти рассказы с благоговейным ужасом и всегда радовался, что от него пока требуется только не пропускать службу, работать честно и не таскать яблоки у старосты.

Теперь выходило, что его тоже учат терпеть.

«Значит, центрифуга — это тоже очищение, — подумал он. — Я должен выдержать».

Он не чувствовал себя сильным. Напротив, ему казалось, будто внутри у него сидит маленький, испуганный мальчик, который все еще стоит у дома и смотрит, как инквизитор машет рукой в сторону своей машины.

Но, может быть, сила и не означала, что человек не боится.

Может быть, сила означала, что он идет туда, куда велят, даже если ноги хотят бежать в другую сторону.

Диакон Сергий снова сделал жест.

Первым позвали курсанта из другого отделения.

Высокий светловолосый парень подошел к капсуле, сел внутрь, и два служителя пристегнули его ремнями. Капсула закрылась. Несколько секунд ничего не происходило.

Потом кольцо дрогнуло.

Сначала медленно.

Капсулы поползли по кругу, словно колесо мельницы начало оживать после долгого сна. Затем движение стало быстрее. Металл загудел. Воздух в зале дрогнул. Белые полосы на стенах начали сливаться.

Бенни смотрел, не моргая.

Колесо ускорялось.

Теперь капсулы уже не различались по отдельности. Они превратились в темную размытую линию, летящую по кругу. Гул поднялся выше, стал плотнее. Казалось, вся машина тяжело дышит.

Пит побледнел.

— Он там живой? — шепнул он.

Фер не ответил.

Через некоторое время машина замедлилась. Не сразу, а постепенно, словно нехотя отпускала людей. Капсула остановилась. Служители открыли ее и помогли парню выбраться.

Тот сделал шаг.

Потом второй.

Потом согнулся и его вырвало прямо в приготовленный таз, который один из служителей подставил с такой ловкостью, будто делал это много лет и давно перестал удивляться людям.

Сергий посмотрел на него.

— Хорошо, — сказал он. — Ты не просил остановить.

Парень кивнул, не поднимая головы.

Бенни почувствовал, как у него пересохло во рту.

«Я не сдамся, — подумал он. — Я не буду слабым».

И тут же, потому что в словах прозвучало что-то похожее на гордость, быстро добавил про себя:

«Не потому что я сильный, Господи. А потому что Ты помоги мне».

Сергий сделал знак.

— Бединуччи.

Бенни понял, что пришла его очередь.

Часть вторая

Бенни сделал шаг вперед не сразу.

Сначала ему показалось, что ноги не поняли приказа. Они стояли на гладком полу, тяжелые, чужие, будто за ночь их заменили на две мокрые деревянные колоды. Потом он почувствовал, как Фер едва заметно коснулся его локтя. Не толкнул, не подтолкнул, а просто напомнил, что рядом есть кто-то живой.

— Дыши, — тихо сказал Фер.

Бенни кивнул.

Ему хотелось ответить, что он и так дышит, но в этот момент он вдруг заметил: дыхание и правда стало мелким, быстрым, будто он уже бежал. Он втянул воздух глубже. Воздух в зале пах железом, машинным маслом и каким-то сухим холодом, похожим на запах камней в погребе.

— Господи, — прошептал он одними губами. — Не оставь.

Он пошел к капсуле.

Вблизи она уже не напоминала карусель. Она была темная, округлая, с толстым стеклом в маленьком окошке и тяжелой дверью, уходящей вверх. На ее боку виднелись вытертые знаки, назначение которых Бенни не понял. Ему показалось, что капсула похожа на железный кокон огромного насекомого, которое кто-то нашел в лесу, обмазал маслом и решил использовать для испытаний людей.

Два служителя стояли по обе стороны от открытого проема.

Один из них указал Бенни внутрь.

Он наклонился и залез.

В капсуле было теснее, чем в тренажерной бочке диакона Игнатия. Там хотя бы можно было вытянуть руки к рукоятям и видеть перед собой экран. Здесь же кресло охватывало тело с боков, словно пыталось заранее удержать его на месте. Перед лицом находилось небольшое стеклянное окно. Через него виднелась часть зала, фигура Сергия у пульта и белая полоса стены.

На подлокотниках не было кнопок.

Это показалось Бенни особенно страшным.

В железной бочке Игнатия он хотя бы мог что-то делать. Нажать, повернуть, исправить, попытаться. Здесь от него требовалось только сидеть.

А сидеть и ждать, когда с тобой начнет происходить непонятное, Бенни не любил еще с той самой комнаты с зеркалом, куда его привезли после инквизиторов. Тогда он сидел на стуле, молился и не знал, придет ли кто-нибудь, что с ним сделают и почему белый стол показывает звездное небо.

С тех пор он понял: самое тяжелое — это не работа.

Самое тяжелое — ждать.

Служитель потянул ремни.

Они легли на плечи Бенни крест-накрест, потом еще один широкий ремень прижал его живот и бедра к креслу. Металл защелок щелкнул сухо и окончательно. Бенни попытался чуть пошевелиться. Ремни не дали.

Они врезались в грудь и плечи так туго, будто его готовили не к вращению, а к тому, чтобы отнести в поле на шесте.

— Не шевелиться, — сказал служитель.

Бенни кивнул.

Ему хотелось спросить: «А если я не смогу?» Но голос застрял где-то в горле. Вопрос не был бы полезен. Ответ, скорее всего, прозвучал бы так же, как все ответы здесь: «Сможешь или не сможешь, а сидеть будешь».

Он повернул голову к окошку.

Диакон Сергий стоял у пульта. Руки его лежали на широкой панели, как две тяжелые лопаты, забытые после работы у края огорода. Лысина с крестом блеснула под верхним светом. Сергий увидел, что Бенни смотрит на него, и едва заметно кивнул.

Никакой улыбки.

Никакого утешения.

Только кивок.

Бенни закрыл глаза.

«Отче наш, иже еси на небесех…»

Капсула дрогнула.

Сначала едва-едва.

Это было похоже на то, как телега трогается с места после долгой стоянки. Сначала скрипят оси, натягиваются ремни, лошадь делает первый тяжелый шаг, и сидящий сзади чувствует: вот, поехали. Потом дорога начинает идти под колесами, а деревья и заборы медленно уплывают назад.

Капсула пошла по кругу.

Бенни открыл глаза.

За окошком стена поплыла в сторону. Белая полоса скользнула, исчезла, вместо нее мелькнула темная часть конструкции, затем опять стена, потом потолок, потом пол. Движение было плавным, почти приятным. Совсем как карусель, которую однажды привезли в соседнее поселение на праздник урожая.

Тогда Бенни было семь лет. Карусель стояла на центральной площади, скрипучая, с деревянными лошадками, выкрашенными яркой синей и красной краской. За один круг надо было отдать две медные монеты, и отец сперва сказал, что это пустая трата денег. Но мать тихо попросила, и отец вздохнул, вынул монеты и посадил Бенни на лошадку.

Карусель крутилась медленно. Бенни держался за гладкую деревянную шею лошади и смеялся так громко, что потом бабушка сказала: внук позорит семью, потому что приличные дети от радости не орут, а улыбаются.

Сейчас ему не хотелось ни смеяться, ни улыбаться.

Движение стало быстрее.

Сначала Бенни почувствовал это в животе. Там будто появилась тяжелая рука, которая медленно, но настойчиво давила вниз. Потом тяжесть легла на грудь. Ремни врезались в плечи сильнее. Руки, лежавшие на подлокотниках, вдруг стали невыносимо тяжелыми.

Он попробовал пошевелить пальцами.

Пальцы двигались.

Но медленно.

Будто каждый палец был налит свинцом.

Капсула ускорялась.

Стена за окном теперь не плыла. Она превращалась в белесую размазанную полосу. Иногда в ней мелькал черный знак на стене. Иногда — свет. Иногда — лицо кого-то из служителей, и тут же исчезало.

Бенни попытался вдохнуть.

Воздух вошел в грудь неохотно.

Он будто стал тяжелее.

«Это очищение», — напомнил себе Бенни.

Слова не помогли.

Тело не понимало слов. Телу было все равно, что святые носили вериги и стояли на коленях. Телу хотелось, чтобы его перестали прижимать к креслу, чтобы перестала давить невидимая сила, чтобы белая стена перестала лететь мимо окна.

Сердце ударило в груди.

Бум.

Еще раз.

Бум.

Каждый удар отдавался в висках, в ушах, под затылком. Он слышал свой пульс так ясно, словно внутри головы кто-то работал молотом по наковальне. Бум. Бум. Бум.

Бенни попытался произнести молитву дальше.

«Да святится имя Твое…»

Слова спутались.

Он знал их с детства. Он мог сказать эту молитву во сне, с набитым ртом, стоя на одной ноге, с мокрой головой после купания в реке. Отец Фар заставлял их повторять ее в самых разных положениях, потому что, как он говорил, смерть не будет ждать, пока ты удобно сядешь за стол и откроешь молитвослов.

Но теперь слова не слушались.

«Да… да…»

Язык казался тяжелым. Мысли разбегались. В голове оставалось только белое кольцо стены, гул металла и стук крови.

Бум.

Бум.

Бум.

«Господи, дай мне силы», — подумал Бенни.

Эти слова вышли проще.

«Я слабый. Но Ты сильный. Дай мне Твою силу».

Тяжесть стала больше.

Ему показалось, что лицо его расползается вниз. Щеки тянуло, веки становились тяжелыми. Глаза хотелось закрыть, но он боялся закрывать. Вдруг, если закроет, уже не откроет? Вдруг он потеряет сознание? Вдруг это и есть та самая слабость, после которой его отнесут куда-нибудь в подсобное хозяйство, где придется крутить свиньям хвосты и жить без права даже на бобовую кашу?

Он вспомнил диакона Сальдаре.

Тот семь лет ел кашу и все еще жил.

Эта мысль почему-то придала Бенни немного мужества.

«Если Сальдаре выдержал семь лет каши, — подумал он, — то я выдержу несколько минут круга».

Но желудок уже поднимался к горлу.

Это было не похоже на обычную тошноту после плохой еды. После плохой еды живот просто ныл, бурчал, просил воды или покоя. Здесь же все внутренности как будто решили поменяться местами. Желудок поднимался, сердце давило, горло сжималось, а голова была наполнена свинцом.

Он почувствовал во рту кислый вкус.

«Не сейчас», — попросил Бенни свое тело.

Тело не слушало.

«Пожалуйста, не сейчас. Я не хочу блевать. Сергий скажет, что это плохо. Морис будет смотреть. Пит потом расскажет всем, как я…»

Эта мысль оказалась ужаснее самой тошноты.

Бенни сжал кулаки.

ПЕК вдавился в кожу на левой руке. Его край был холодным, но теперь эта холодность почти не чувствовалась. Ремни прижимали тело к креслу. Капсула неслась по кругу. Весь мир за окошком превратился в белую и серую реку.

«Я не сдамся», — подумал он.

А потом сразу исправился:

«Я не сдамся, если Ты не дашь мне сдаться».

Он не знал, правильно ли просить Бога именно так. Возможно, Господу было виднее, надо ли Бенни сдаться. Но просить о силе было не грехом. Это Бенни помнил.

Гул вдруг изменился.

Не стал тише, но стал иным. Он словно опустился ниже, глубже. Капсула продолжала вращаться, но Бенни почувствовал, что тяжесть уже не растет. Она застыла на нем, как огромный мокрый тулуп, который набросили сверху и велели не снимать.

Он пытался дышать ровно.

Вдох.

Выдох.

Вдох.

Выдох.

Каждый вдох приходилось делать усилием.

Ему вспомнилось лето, когда отец заставил его помогать вытаскивать из грязи телегу. Тогда после сильного дождя дорога у оврага превратилась в вязкую темную кашу. Лошадь тянула, хрипела, скользила копытами, а колеса не двигались. Отец кричал, старшие братья толкали, Бенни упирался плечом в мокрый борт телеги и чувствовал, как ноги уходят в землю.

Казалось, телега никогда не сдвинется.

Но потом все разом напряглись. Лошадь дернула. Колесо чавкнуло. И телега пошла.

Сейчас ему тоже надо было просто упираться.

Не куда-то наружу.

Внутрь.

В свое дыхание.

В молитву.

В память о доме.

Он представил огуречную бахчу. Представил солнце, горячее и желтое. Представил, как листья шуршат на ветру. Представил мокрую землю после полива. Представил, как мать зовет его с порога, а бабушка ругает за то, что он опять притащил в дом грязные сапоги.

Эти картины были далекими, но живыми.

Их не крутило.

Они не давили.

Они стояли на месте.

«Господи, сохрани их», — подумал Бенни.

Потом он не помнил, сколько прошло времени.

Может быть, минута.

Может быть, целый день.

Внутри центрифуги время стало похожим на тесто, которое долго месят руками: оно тянется, липнет, не хочет заканчиваться. Бенни все сидел, вдавленный в кресло, слушал собственное сердце и пытался не позволить телу победить его.

Потом гул стал меняться снова.

На этот раз он действительно начал стихать.

Тяжесть не ушла сразу. Она медленно отступала, будто большой зверь, который долго стоял на груди, наконец решил сойти, но делал это не спеша. Руки стали легче. Воздух начал входить в легкие проще. Стена за окном перестала быть полосой и снова стала стеной.

Капсула замедлялась.

Бенни почувствовал не облегчение, а странную пустоту.

Он вдруг стал очень легким.

Настолько легким, что подумал: сейчас ремни расстегнутся, и он улетит под потолок, как те люди в падающей капсуле, которые выскочили из ремней и парили в темноте.

Но ремни держали.

Кольцо остановилось.

Дверь капсулы открылась.

Свет зала ударил в глаза.

— Выходи, — сказал служитель.

Бенни попытался подняться.

Ноги не поняли.

Они были как после того, как долго сидишь на корточках в огуречной грядке, а потом резко встаешь. Только в сто раз хуже. Колени дрогнули. Он ухватился за край дверного проема. Служитель подхватил его под локоть и помог выбраться.

Бенни сделал шаг.

Пол под ним качнулся.

Он сделал второй шаг.

Пол снова качнулся, хотя был неподвижен.

Бенни опустился на колени.

Это произошло не потому, что он решил так сделать. Просто ноги вдруг перестали быть его ногами. Они сложились, и он оказался на гладком полу, тяжело дыша, упираясь ладонями в холодный металл.

В горле стоял кислый ком.

Он закрыл рот, сжал зубы и несколько секунд боролся с желудком так, как будто это был отдельный враг Веры.

Он победил.

Или желудок просто устал.

Диакон Сергий подошел к нему.

Его огромные ботинки остановились перед лицом Бенни. Потом Сергий присел на корточки. Вблизи Бенни увидел, что кожа на его лице была грубой, с мелкими белыми шрамами. Глаза у Сергия были спокойные. Не добрые и не злые. Просто спокойные, как вода в глубоком колодце, куда не заглядывает солнце.

— Неплохо, — сказал Сергий.

Бенни поднял на него взгляд.

— Ты не блевал. Это уже хорошо.

Бенни хотел сказать спасибо, но изо рта вышло только сухое:

— Да, диакон.

Сергий посмотрел на него еще мгновение.

— Но ты не улыбался. Это плохо.

Бенни моргнул.

Он решил, что ослышался.

— Надо улыбаться, когда боль проходит, — продолжил Сергий. — Улыбка — это благодарность Господу.

Бенни попытался улыбнуться.

Получилось, наверное, плохо. Губы дрогнули. Щеки были тяжелые. Но Сергий чуть кивнул, будто этого было достаточно.

— Вот так, — сказал он. — Боль — это очищение.

Он встал и отошел.

Бенни остался на коленях еще немного. Потом Фер подал ему руку.

— Давай, — сказал он.

Бенни ухватился за нее.

Рука Фера была теплая и крепкая. Он не тянул резко, не торопил. Просто держал, пока Бенни не выпрямился.

— Ты справился, — произнес Фер.

— Я чуть не…

Бенни не договорил.

Фер кивнул.

— Но не сделал.

Бенни посмотрел на таз, который стоял у соседней капсулы. В нем еще оставалось что-то от предыдущего курсанта. Он быстро отвел глаза.

— Не сделал, — согласился он.

Фер поправил нашивку.

— Вера — это когда делаешь, даже если не понимаешь.

Бенни попытался кивнуть, но голова все еще была тяжелой.

Его посадили на скамью у стены. Там уже сидело несколько кадетов из других отделений. Один держался за голову. Другой лежал, вытянув ноги, и тихо читал молитву сквозь зубы. Третий смотрел прямо перед собой пустыми глазами, как человек, который только что увидел нечто слишком большое для своей головы.

Пит сел рядом с Бенни, хотя его очередь еще не пришла.

— Как там? — спросил он.

Бенни подумал.

Как можно было объяснить человеку, что тело вдруг перестает быть твоим? Что сердце становится громом, желудок — злым животным, а воздух приходится вытаскивать из груди, как ведро из глубокого колодца?

— Крутит, — сказал он наконец.

Пит помолчал.

— Понятно.

— И давит.

— Это я понял еще по лицу.

— И хочется…

— Не говори, — быстро попросил Пит. — Я завтрак помню.

Бенни замолчал.

Пит посмотрел на кольцо, которое снова медленно начинало движение с новым курсантом.

— Я думал, когда Морис говорил «вращает», это будет как на карусели, — признался он. — А это не карусель.

— Нет.

— На карусели хоть можно было сидеть на лошади.

— Здесь тоже можно сидеть.

— Бенни.

— Что?

— Не надо так шутить.

Бенни понял, что это и правда была шутка, хотя он вовсе не хотел шутить. Наверное, после центрифуги голова работала странно.

Пит посмотрел на него и вдруг улыбнулся.

— Видишь? Уже лучше. Ты почти улыбаешься.

Бенни снова попытался улыбнуться.

На этот раз вышло чуть легче.

Очередь шла.

Кто-то выходил из капсулы сам. Кого-то поддерживали. Одна девочка из другого отделения плакала молча, не вытирая слез, и Сергий сказал ей то же самое, что Бенни: боль — это очищение. Девочка кивнула, хотя Бенни видел, что она едва стоит.

Потом вызвали Пита.

— Маерс, — произнес Сергий.

Пит поднялся.

Он встал так быстро, что на секунду показалось, будто он и не боялся. Но потом Бенни увидел, как Пит сглатывает, как его большие уши становятся красными, как рука тянется к ПЕКу и останавливается на полпути.

— Ну, — сказал Пит самому себе. — Главное — не умереть с голоду.

— Умереть ты можешь и сытым, — заметил Морис, который подошел к их скамье.

Пит вздохнул.

— Спасибо, архидиакон. Очень поддержали.

— Я и не собирался поддерживать. Иди.

Пит пошел.

Он забрался в капсулу, оглянулся через плечо и махнул им рукой. Фома, стоявший рядом, кивнул ему. Оливер закрыл глаза. Фер тихо произнес молитву о защите в пути.

Дверь закрылась.

Кольцо пришло в движение.

Бенни смотрел на него и теперь уже понимал, что происходит там, внутри. От этого было хуже. Пока он не знал, ему казалось, что капсула просто крутится. Теперь он представлял, как Пита вдавливает в ремни, как у него тяжелеют руки, как слова молитвы путаются в голове.

Пит продержался долго.

Во всяком случае, Бенни так подумал. Машина крутилась, гудела, свет на стенах размазывался. Потом кольцо остановилось.

Дверь открыли.

Пит появился в проеме.

Его лицо было зеленым.

Не бледным, не серым, не красным от усилия, а именно зеленым — таким, как недозрелый огурец, который сняли с плети слишком рано и потом положили в тень, надеясь, что он сам как-нибудь станет нормальным.

Он сделал два шага.

Потом остановился.

Покачнулся.

Служитель подставил таз.

Пит не успел.

Его вырвало на собственные сапоги.

Пит посмотрел вниз с глубоким, почти религиозным огорчением.

— Простите, — сказал он служителю. — Я не специально.

Служитель ничего не ответил.

Морис подошел ближе.

— Маерс, — сказал он. — Ты опять решил проверить, твердый ли пол?

Пит вытер рот рукавом.

— Я думал, я умру, архидиакон.

— Но не умер.

— Я чувствовал, как душа выходит из тела. И она сказала мне: «Пит, ты дурак». А я сказал: «Я знаю».

На несколько секунд стало тихо.

Потом Фома шумно втянул воздух носом.

— Душа говорила твоим голосом?

Пит посмотрел на него.

— Наверное.

— Тогда это не душа. Это ты сам.

— Спасибо, Лур.

— Не за что.

Даже Морис не сразу нашел, что сказать. Он потрогал свой металлический глаз, потом махнул одному из служителей.

— Отведите Маерса. Вымыть. И пусть не падает лицом в таз. Там уже и так есть кому лежать.

Пит, поддерживаемый под локоть, пошел к скамье. Он сел рядом с Бенни, закрыл глаза и долго дышал.

— Главное, — прошептал он, не открывая глаз, — не умереть с голоду.

— После того, что ты сделал, — сказал Фома, — тебе, наверное, дадут еще еды.

Пит открыл один глаз.

— Правда?

— Не знаю.

Пит снова закрыл глаз.

— Тогда я буду надеяться.

Очередь приближалась к Оливеру.

Бенни заметил это потому, что Оливер начал дрожать еще до того, как Сергий назвал его по имени. Он сидел на скамье, сцепив пальцы так крепко, что костяшки побелели. Его светлые волосы прилипли ко лбу. Губу он кусал до крови.

Фер сел рядом с ним.

— Оливер, — сказал он.

Оливер не поднял головы.

— Я не смогу.

— Сможешь.

— Я не хочу.

— Никто не хочет.

— Я хочу домой.

Фер помолчал.

Потом положил ладонь Оливеру на плечо.

— Я знаю. Но мы здесь. Мы с тобой.

Оливер посмотрел на него.

В его глазах было столько страха, что Бенни почувствовал собственный страх снова, хотя испытание уже прошло.

— А если я попрошу остановить? — спросил Оливер.

Фер ответил не сразу.

— Тогда остановят.

— А потом?

Фер опустил взгляд.

— Потом будет то, что будет.

Оливер сглотнул.

Сергий назвал его фамилию.

Оливер поднялся.

Ноги у него дрожали так заметно, что Бенни подумал: сейчас он упадет прямо здесь. Но Оливер дошел до капсулы. Он попытался сесть, но ремни свисали перед ним непонятными полосами, и пальцы не слушались.

— Я не могу, — прошептал он.

Фер подошел к нему, хотя служитель уже собирался сделать это сам.

— Я помогу, — сказал Фер.

Он осторожно поправил ремни на плечах Оливера, застегнул защелки, проверил, чтобы ткань не перекрутилась. Делал он это спокойно, без суеты, будто помогал младшему брату собраться к службе.

— Ты справишься, Оливер, — повторил он. — Мы здесь. Мы с тобой.

Оливер посмотрел на него.

— Ты будешь ждать?

— Буду.

Дверь капсулы закрылась.

Бенни сжал руки на коленях.

Он не знал, может ли молитва долететь через толстый металл. Но если Господь слышал человека в церкви, в поле, в падающей капсуле и в железной бочке, то, наверное, услышит и здесь.

«Господи, помоги Оливеру», — подумал он.

Кольцо тронулось.

Сначала медленно.

Потом быстрее.

Оливер исчез в движении.

Бенни смотрел на размытый круг и чувствовал, как внутри снова поднимается холодная тяжесть. Он представлял Оливера там, в тесной капсуле, маленького, бледного, привязанного ремнями. Оливер, который боялся даже низкой стенки на полосе препятствий. Оливер, который шептал, что хочет домой, так тихо, будто надеялся: если говорить почти беззвучно, дом однажды услышит.

Прошла минута.

Или, может быть, больше.

Потом еще.

Оливер держался.

Бенни видел, как Сергий стоит у пульта, неподвижный, как каменная статуя. Морис стоял рядом, скрестив руки. Фер не сводил глаз с кольца. Пит сидел, зеленый и мокрый, но тоже смотрел.

Вдруг из одной из капсул донесся крик.

Он был приглушенный, задавленный металлом и гулом машины, но Бенни сразу понял: кричит Оливер.

Крик повторился.

— Остановите! — различил Бенни.

Ему самому захотелось броситься к Сергию, схватить его за руку, попросить остановить. Ведь Оливер попросил. Ведь сказали, что остановят.

Но Сергий не шевельнулся.

Он смотрел на пульт.

Кольцо продолжало вращаться.

Оливер закричал снова.

Пит втянул голову в плечи.

— Он же попросил, — шепнул он.

Фер ничего не сказал.

Его руки были сжаты так сильно, что пальцы побелели.

Бенни почувствовал, как страх и злость, странная, незнакомая злость, поднимаются у него в груди. Но злиться на диакона было неправильно. Диакон знал, что делает. Он говорил: боль — это очищение. Значит, Оливеру надо было пройти через боль.

«Но он же плачет», — подумал Бенни.

И тут же испугался этой мысли.

«Господи, прости. Я не сомневаюсь. Я просто боюсь за него».

Кольцо все-таки начало замедляться.

Бенни не понял, потому ли, что время закончилось, или потому, что Сергий услышал Оливера. Но машина пошла тише. Гул опустился. Белые полосы снова стали стенами.

Капсула остановилась.

Дверь открыли.

Оливер сидел внутри, зажав лицо ладонями.

Его плечи тряслись.

Служитель расстегнул ремни. Оливер попытался встать, но сразу упал вперед. Его успели подхватить, однако ноги у него не держали. Он сделал один шаг, второй, потом вырвался из рук служителя, будто стыдился помощи, и рухнул на пол.

Он лежал на спине, раскинув руки, и смотрел в потолок.

Слезы текли по его вискам и уходили в волосы.

Бенни подошел к нему.

Он сел рядом, прямо на пол, хотя Морис обычно не любил, когда курсанты садились без команды. Но сейчас Морис ничего не сказал.

— Ты справился, Оливер, — тихо произнес Бенни. — Ты выдержал.

Оливер моргнул. Слезы продолжали течь.

— Я хотел, чтобы остановили, — прошептал он.

— Я знаю.

— Я кричал.

— Я слышал.

— Я плакал.

— Это ничего.

Оливер повернул голову к нему.

— Я хочу домой. Я всегда хочу домой. Но я не уйду. Я не уйду.

Он сказал это не громко. Не как клятву на службе. Скорее как человек, который уговаривает сам себя не сделать следующий шаг назад.

Бенни кивнул.

— Не уйдешь.

Он не стал говорить, что Оливер сильный. Оливер, наверное, не поверил бы. Он не стал говорить, что все будет хорошо. Бенни не знал, будет ли. Он просто остался рядом.

Молчание получилось лучше слов.

Пит тоже подошел. Он сел с другой стороны от Оливера и, не глядя на него, произнес:

— Я тоже плакал бы. Просто у меня глаза были заняты другим.

Оливер всхлипнул.

Пит осторожно добавил:

— И вообще, если бы мне пришлось еще раз туда сесть, я бы, наверное, сказал, что у меня нет тела. Только душа. А душу крутить нельзя.

Фома, стоявший рядом, подумал.

— Душу, наверное, тоже можно, — сказал он. — Если она в теле.

Пит посмотрел на него.

— Лур, ты умеешь поддержать.

— Я стараюсь.

Фер опустился на корточки возле Оливера.

— Ты не попросил второй раз, — сказал он.

Оливер закрыл глаза.

— Не попросил.

— Значит, ты выдержал.

Оливер кивнул.

Фер поправил нашивку и выпрямился.

— Вера — это когда делаешь, даже если не понимаешь.

Бенни услышал эти слова иначе, чем прежде.

Раньше они казались ему простыми и правильными. Теперь в них была тяжесть. Потому что иногда человек делает не потому, что понимает, и не потому, что хочет, а потому что рядом стоят друзья, потому что страшно оказаться слабым, потому что уже некуда идти.

Но, может быть, именно так и бывает с верой.

Человек держится не только сам.

Его держат другие.

Очередь подошла к Фоме.

Фома стоял у скамьи, почесывая живот.

Он посмотрел на вращающееся кольцо, потом на Пита, потом на Оливера, лежавшего на полу.

— Уже можно? — спросил он у Сергия.

Сергий кивнул.

Фома подошел к капсуле.

Он сел в нее с тем же выражением лица, с каким каждое утро ел кашу. Не потому что ему было все равно. Бенни уже начал понимать: Фома не показывал того, что у него внутри. Возможно, внутри он боялся не меньше Оливера. Просто страх, попадая в Фому, где-то терялся между едой, сном и его большой спокойной грудью.

Служители застегнули ремни.

Фома посмотрел на них.

— Не слишком туго? — спросил он.

Служитель ничего не ответил.

— Ладно, — сказал Фома. — Главное, чтобы не мешали дышать.

Дверца закрылась.

Кольцо снова пошло.

Бенни смотрел.

Он ждал, что Фома начнет стонать, что его круглое лицо исказится, что он хотя бы поднимет руку. Но капсула летела по кругу, а в маленьком окошке, когда оно мелькало перед ними, Фома сидел неподвижно.

Не как герой.

Как мешок с зерном, который крепко привязали к телеге, чтобы не выпал на ухабах.

Свет мелькал.

Гул рос.

Фома сидел.

Пит, все еще зеленоватый, медленно повернул голову к Бенни.

— Он там вообще живой?

— Живой, — сказал Бенни.

— Откуда знаешь?

— Он же сидит.

— Я тоже сидел. Но это ничего не значит.

Центрифуга продолжала вращение.

Потом начала замедляться.

Когда Фому выпустили, он выбрался сам. Его ноги чуть качнулись, но он быстро восстановил равновесие. Он дошел до скамьи, сел, шумно вдохнул через нос и некоторое время молчал.

Все смотрели на него.

Фома потер ладонью живот.

— Вкусная каша была сегодня, — сказал он. — Сладкая.

Пит уставился на него.

— Ты что, ничего не чувствовал?

Фома подумал.

— Чувствовал.

— И?

— Но я думал о еде. Если думать о еде, то боль уходит.

Пит медленно покачал головой.

— Это неправильно.

— Почему?

— Потому что я думал о завтраке. И мне стало хуже.

Фома посмотрел на него внимательно.

— Ты думал, как его обратно достать.

Пит открыл рот.

Потом закрыл.

— Может быть.

— А надо думать, как он был вкусный.

Пит задумался.

— В следующий раз попробую.

— Следующий раз? — тихо переспросил Оливер.

Все замолчали.

Бенни посмотрел на центрифугу.

Ему стало ясно, что «следующий раз» обязательно будет. В академии почти все происходило снова. Снова сагаты. Снова каша. Снова бег. Снова бочки. Снова грязь. Снова приказы. Значит, и это колесо снова их примет, закроет за ними двери и будет крутить до тех пор, пока Сергий не решит, что боль очистила их достаточно.

Он потрогал ПЕК.

«Я выдержал, — подумал он. — Я не блевал. Я не плакал. Значит, я сильнее, чем думал».

И тут же почувствовал внутри пустоту.

Не радость.

Не гордость.

Пустоту.

«Почему я не чувствую радости? — спросил он себя. — Почему после того, как боль проходит, хочется не улыбаться, а лечь лицом в землю и чтобы никто не трогал?»

Он вспомнил слова Сергия: улыбка — это благодарность Господу.

Бенни попытался понять. Наверное, он должен быть благодарен. Он остался жив. Его не выгнали. Он прошел испытание. Оливер тоже прошел. Пит, хотя и испачкал сапоги, тоже не попросил остановить. Фома вообще думал о каше.

Да, надо было благодарить.

Но благодарность не приходила.

Приходила только усталость.

Он опустил голову и тихо прошептал:

— Господи, прости меня, если я неблагодарный. Я стараюсь.

Фер услышал.

Он ничего не сказал. Просто сел рядом с Бенни, плечом к плечу. Их руки лежали рядом на скамье: темная рука Фера, обветренная рука Бенни с синим ПЕКом.

Впереди продолжали вызывать других курсантов.

Колесо вращалось.

И всякая плоть, попадавшая в его круг, становилась тяжелой, слабой и маленькой перед железом.

Часть третья

Оставшихся курсантов пропускали через центрифугу еще долго.

Бенни уже не мог сказать, сколько именно времени они провели в этом зале. После собственного круга, после Пита, после Оливера и Фомы часы словно потеряли значение. В академии и прежде время измерялось не тем, как солнце идет над полями, потому что солнца за белыми стенами почти не было видно, а звонками, приказами, сменой еды и тем, насколько сильно у человека болят ноги.

Но здесь, у огромного железного кольца, даже это перестало работать.

Был только гул.

Он то рос, когда очередная капсула начинала набирать скорость, то опускался ниже, когда машина замедлялась. Между этими звуками слышались шаги служителей, щелканье ремней, короткие команды диакона Сергия и чужое тяжелое дыхание.

Кто-то выходил сам.

Кого-то выводили под руки.

Один паренек из отделения с красной нашивкой, худой и лохматый, выбрался из капсулы, сделал несколько шагов, а затем попытался отдать честь Сергию. Рука его поднялась, но тело качнулось в другую сторону, и он ударил себя ладонью по лбу. Сергий посмотрел на него без всякого выражения.

— Не надо, — сказал он.

Паренек кивнул и сел прямо на пол.

Девушка из соседнего отделения, которая раньше плакала, вернулась к своим товарищам. Ее поддерживали с обеих сторон. Она не могла идти ровно, но упрямо переставляла ноги. Когда один из ее сослуживцев спросил, как она, девушка ответила:

— Я живая.

Это прозвучало так просто, что Бенни вдруг подумал: иногда человеку и правда больше нечего сказать.

Живая.

Не счастливая.

Не сильная.

Не готовая к подвигу.

Просто живая.

Он посмотрел на свои руки.

ПЕК светился ровным тускло-синим светом. На коже вокруг него проступили красные следы от ремней, потому что во время вращения рука была прижата к подлокотнику. Бенни осторожно коснулся запястья. Оно болело, но это была привычная, понятная боль. Такая бывает, когда целый день таскаешь тяжелые корзины, а вечером ложишься и чувствуешь, как каждая кость жалуется на работу.

Боль от центрифуги была другой.

Она не сидела в одном месте.

Она прошла через него, как холодная вода через землю после ливня. Намочила все внутри, добралась до самых корней, а потом ушла, оставив тяжесть, дрожь и странную пустую тишину.

Бенни не знал, можно ли так говорить о теле.

Наверное, тело не было землей. У тела были кости, жилы, кровь, про которые Пэйшенс Брин рассказывала так много, что после ее занятия Бенни несколько ночей боялся резко повернуться во сне. Но все равно ему казалось, что внутри он стал похож на поле после сильного дождя: сверху уже спокойно, а под землей еще долго идет медленная, темная работа.

Фер сидел рядом и молчал.

Он держался ровно, но Бенни видел, что Фер тоже устал. На лбу у него выступил пот. Грудь под комбинезоном поднималась чуть быстрее обычного. Он смотрел на центрифугу, не моргая, и иногда пальцем касался края нашивки на рукаве, словно проверял, не исчезла ли она.

Пит сидел по другую сторону от Бенни и был все еще зеленоватым.

Он уже умывался, ему дали воды, он даже успел вытереть сапоги, насколько смог. Но цвет лица оставался таким, будто его на ночь положили в ящик с недозрелыми огурцами, а утром достали раньше времени.

— Ты как? — спросил Бенни.

Пит медленно повернул голову.

— Я думаю, моя душа еще не вернулась.

— Ты же говорил, она с тобой разговаривала.

— Она поговорила и ушла. Сказала, что ей надо подумать.

Фома, сидевший на краю скамьи, шумно втянул воздух.

— Если душа ушла, ты как думаешь?

Пит посмотрел на него.

— Вот потому она и ушла. Потому что тут все задают трудные вопросы.

Бенни хотел улыбнуться, но улыбка получилась слабой. Все же от слов Пита в груди немного потеплело.

Оливер лежал на другой скамье, положив голову на свернутый комбинезон. Служитель принес ему воду. Оливер пил маленькими глотками, останавливаясь после каждого, будто боялся, что вода тоже начнет вращаться внутри него.

— Не надо пить сразу много, — тихо сказал Фер.

Оливер кивнул.

— Я знаю.

— Тогда почему ты смотришь на кружку так, будто она тебя обидела?

Оливер посмотрел на Фера.

— Она круглая.

Пит тихо застонал.

— Не говорите больше про круги.

Фома, подумав, поставил свою кружку на пол.

— Так лучше?

— Лур, — сказал Пит. — Я тебя прошу. Ничего круглого сегодня не показывай.

Фома снова взял кружку.

— Я не специально.

— Я знаю.

Оливер, несмотря на бледность, вдруг тихо хмыкнул. Это был не смех даже, а крошечный звук, будто он вспомнил, что может быть живым не только через страх.

Бенни посмотрел на него и почувствовал облегчение.

Наверное, братство начиналось не тогда, когда люди дружно поют гимн. Гимн могли петь все, даже те, кто не знает слов и открывает рот в нужный момент. Братство начиналось, когда кто-то лежит на полу после железного колеса, плачет и не может подняться, а ты просто садишься рядом, потому что оставить его одного кажется невозможным.

Он подумал об этом и сразу почувствовал смущение.

Слово «братство» было большим. Им пользовались в церковных книгах и торжественных речах. Бенни не знал, имеет ли право думать так о четырех ребятах, которых узнал всего несколько дней назад. О Фере, который все время поправляет нашивку. О Пите, который мог говорить даже тогда, когда разумнее было бы молчать. Об Оливере, который хотел домой. О Фоме, который думал о каше, когда его крутило железное колесо.

Но они были рядом.

Они смотрели, ждали, помогали.

И Бенни понял, что ему не все равно, что с ними будет.

Это уже было чем-то.

Когда последний курсант закончил испытание, диакон Сергий подошел к ряду скамеек. Его тяжелые шаги были почти не слышны, но курсанты сами выпрямились, насколько могли. Даже те, кто лежал, попытались хотя бы поднять головы.

Сергий остановился перед ними.

Он смотрел долго.

Бенни не знал, что именно тот видит. Может быть, Сергий умел по лицу понимать, кто сдался внутри, а кто еще держится. Может быть, он просто считал, сколько человек осталось в сознании. Может быть, это был очередной способ испытания: выдержать чужой взгляд после того, как ты уже выдержал машину.

Наконец Сергий заговорил.

— Вы все думаете, что испытание закончилось.

Никто не ответил.

— Нет.

Он медленно поднял руку и указал на центрифугу.

— Машина заканчивается. Испытание остается.

Бенни почувствовал, как слова легли на него почти так же тяжело, как ремни.

— Когда вам будет больно, — продолжил Сергий, — вы вспомните этот круг. Когда станет страшно, вы вспомните этот круг. Когда захочется лечь, закрыть глаза и попросить, чтобы вас оставили, вы вспомните этот круг.

Он сделал паузу.

— И тогда вы поймете: плоть слаба. Дух обязан быть сильнее.

Сергий посмотрел на Оливера.

Тот опустил глаза.

Потом диакон перевел взгляд на Пита.

Пит застыл.

На Фому.

Фома почесал живот, но тут же опустил руку.

На Фера.

Фер стоял прямо.

На Бенни.

— Боль — это очищение, — сказал Сергий.

Курсанты молчали.

— Повторить, — приказал он.

— Боль — это очищение, — выговорили они.

Голоса получились разными. У Пита — хриплым и тихим. У Оливера — почти неслышным. У Фомы — ровным. У Фера — твердым. У Бенни — таким, будто слова приходилось вытаскивать из груди вместе с воздухом.

Сергий кивнул.

— Свободны.

Потом он повернулся к Морису.

— Твои выдержали.

— Я знаю, — ответил Морис.

— Один блевал.

— Маерс всегда чем-нибудь отличается.

Сергий чуть наклонил голову.

— Плоть у него слабая.

— А язык сильный, — сказал Морис. — Иногда жалею, что центрифуга не умеет крутить только язык.

Пит услышал.

— Архидиакон, если бы она крутила только язык, я бы, наверное, справился лучше.

Морис посмотрел на него.

— Маерс.

— Молчу.

— Поздно. Но продолжай.

Это было почти похвалой, и Пит почему-то сразу сел ровнее.

Из зала их выводили медленно. Никто не бежал. Даже Морис не подгонял. Для Бенни это было необычно. Обычно архидиакон считал, что человек способен двигаться быстрее всегда, особенно если ему кажется, что он уже устал. Но теперь Морис шел впереди, не оглядывался и держал темп таким, чтобы Оливер и Пит не отставали.

Коридор после зала центрифуги казался неподвижным и слишком прямым.

Бенни смотрел на белые стены и думал, что никогда еще не любил неподвижные вещи так сильно. Стены стояли. Пол лежал под ногами. Потолок не крутился. Двери открывались, когда к ним подносили ПЕК, и не пытались никуда увезти.

Он даже почувствовал благодарность к полу.

«Господи, спасибо за то, что пол не вращается», — подумал он.

Потом ему стало стыдно. Наверное, молитва должна быть более важной и красивой. Но благодарить за пол, который не крутится, тоже было не худшим делом. Особенно после того, как тебя крутили вместо пола.

Они дошли до санитарной комнаты.

Морис остановил их у входа.

— Умыться. Привести себя в порядок. Маерс, сапоги домыть. Буатье, воду пить понемногу. Лур, не ищи еду в сливе. Бединуччи, не падай в раковину. Фер, проследи, чтобы эти четверо не совершили ничего, что потребует отчета.

Фер кивнул.

— Есть, архидиакон.

Морис уже развернулся, но потом остановился.

Он потрогал металлический осколок на месте глаза.

— И запомните, — сказал он, не глядя на них. — Вы не обязаны любить испытания. Но вы обязаны их пройти. Любить потом научитесь. Или не научитесь. Это уже не моя забота.

Он ушел.

Пит посмотрел ему вслед.

— Он умеет сказать так, что хочется и молиться, и прятаться под кровать.

— Под кроватью пыльно, — заметил Фома.

— Спасибо, Лур. Это очень помогает.

В санитарной комнате Бенни первым делом подошел к раковине и плеснул себе в лицо холодной водой. Вода была чистой и настоящей. Она стекала по щекам, по подбородку, попадала за воротник. Бенни наклонился ниже и несколько секунд просто слушал, как она льется.

Вода не вращалась.

Она падала вниз.

Это было правильно.

Рядом Пит чистил сапоги. Он стоял, поставив одну ногу на край низкой скамьи, и тер тряпкой темный след, оставшийся после его несчастья.

— Не оттирается, — пожаловался он.

— Оттирается, — сказал Фер. — Ты просто трешь не там.

— А где?

Фер молча указал.

Пит посмотрел.

— О.

Он взялся за работу внимательнее.

Фома мыл руки. Он делал это долго и тщательно, как будто ПЕК мог обидеться, если на пальцах останется хоть одна крошка. Потом он наклонился к сливу в полу и задумчиво посмотрел на решетку.

— Лур, — немедленно сказал Фер.

— Я ничего.

— Я вижу.

— Там пахнет едой.

Пит перестал чистить сапог.

— Не смей.

— Я не собирался есть из слива.

— Хорошо.

— Я просто сказал, что пахнет.

Фер глубоко вдохнул.

Бенни понял, что быть сержантом, наверное, тяжелее, чем сидеть в центрифуге. В центрифуге тебя крутит машина. А в отделении тебя крутят Пит, Фома и Оливер, причем каждый по-своему.

Оливер стоял у стены, держась одной рукой за край раковины. Лицо его все еще было белым, но слез больше не было. Он смотрел на воду.

Бенни подошел к нему.

— Как ты?

Оливер пожал плечами.

— Не знаю.

Это был честный ответ.

— Голова кружится?

— Уже меньше.

— Живот?

Оливер посмотрел на него.

— Ты как Пэйшенс Брин.

Бенни смутился.

— Я просто спрашиваю.

— Нормально, — сказал Оливер. — Наверное.

Он помолчал.

— Я думал, что умру.

— Я тоже.

— А ты не кричал.

— Я не мог. У меня слова не получались.

Оливер кивнул.

— А у меня получались. Только они ничего не сделали.

Бенни не знал, что сказать.

Он вспомнил, как Оливер кричал: «Остановите». Как Сергий стоял у пульта. Как колесо продолжало вращаться.

«Почему не остановили сразу?» — мелькнуло у него.

Это был вопрос.

Вопросы были опасными. Они могли привести к сомнению. А сомнение — как червь в огурце. Бенни быстро перекрестился, чтобы не дать мысли разрастись.

— Ты выдержал, — сказал он.

Оливер посмотрел в зеркало над раковиной.

— Я плакал.

— И что?

— Наверное, скитарии не плачут.

— Откуда ты знаешь?

Оливер снова пожал плечами.

— Не знаю.

Бенни почувствовал, что в этом «не знаю» слишком много боли. Он хотел сказать, что плакать не стыдно. В деревне люди плакали, когда умирали родные, когда град побивал урожай, когда церковь налагала на всех строгую епитимью, а еды и без того было мало. Даже отец однажды плакал, когда старший брат Бенни ушел из дома с торговцами и долго не возвращался. Правда, потом отец сказал, что ему в глаз попала пыль, хотя в тот день дождь шел стеной.

Но в академии все могло быть иначе.

Здесь Бенни еще не знал правил до конца.

— Фер сказал, что ты выдержал, — произнес он наконец. — Значит, выдержал.

Оливер кивнул.

Он утер лицо мокрой ладонью.

— Я не уйду, — повторил он.

— Не уйдешь.

Когда они вышли из санитарной комнаты, в коридоре уже ждал Морис.

Он стоял, заложив руки за спину, и разглядывал потолок, словно там были написаны важные мысли, которых кадеты пока не заслужили. Когда дверь открылась, он повернулся.

— Стало быть, никто не утонул в раковине. Уже достижение.

— Архидиакон, — начал Пит.

— Не надо.

— Я только хотел сказать, что сапоги почти чистые.

Морис посмотрел вниз.

— Маерс, твои сапоги выглядят так, словно ты не чистил их, а убедил грязь стать частью формы.

Пит опустил голову.

— Я старался.

— Я вижу. Поэтому и страшно.

Морис повел их дальше.

— Куда теперь? — тихо спросил Бенни у Фера.

Фер поднес руку с ПЕКом к себе, но устройство уже само вспыхнуло. На его поверхности возникла короткая строчка. Фер прочел ее, нахмурился и поправил нашивку.

— История, — сказал он.

Пит поднял глаза.

— После центрифуги?

— Видимо.

— А нельзя после центрифуги просто лечь и изучать потолок?

— Нет, — ответил Фер.

— Я так и думал.

Они шли в класс, и Бенни чувствовал, что голова постепенно приходит в порядок. Сначала ему казалось, будто коридор слегка наклонен. Потом наклон пропал. Потом перестали дрожать пальцы. Оставалась усталость, но усталость была почти родной. Она хотя бы не пыталась развернуть его внутренности вокруг оси.

Класс оказался незнакомым.

Он был меньше того, где Пэйшенс Брин рассказывала им про раны и кровь, но выше. Стены здесь были украшены иконами. На одной Бенни увидел Вацлава-огнеборца с пылающим мечом. На другой — святителя Чернова, который держал свиток и смотрел на кого-то вниз с выражением строгого терпения. Были и другие лики, незнакомые Бенни. Один святой стоял на фоне звезд, другой держал в руках маленький корабль, третий был изображен в окружении огня.

Перед рядами парт находилась кафедра.

За ней стоял старый человек.

Он был худой, но не сухой, как диакон Игнатий. Скорее тонкий и высокий, как старое дерево у церковной ограды, которое давно потеряло нижние ветви, но все еще тянется к небу. Длинная седая борода спускалась ему почти до груди. На носу сидели очки, прикрепленные цепочкой к вороту темного одеяния. Очки были небольшими, и за ними глаза казались внимательными, но не сердитыми.

Старик смотрел на входящих курсантов спокойно.

Бенни почему-то сразу подумал, что этот человек умеет долго ждать.

Не так, как Морис, который ожидал ошибки, чтобы тут же рявкнуть.

Не так, как Сергий, который ожидал, пока боль сделает свое дело.

А как отец Фар на исповеди, когда молчал и не торопил, пока человек сам не решится сказать то, что носит в душе.

Морис остановился у кафедры.

— Диакон Арсений, — сказал он. — Привел, что осталось после круга.

Старик чуть улыбнулся уголками губ.

Бенни подумал, что это, наверное, и была улыбка. Просто очень маленькая и редкая.

— Всякая плоть испытывается, — тихо сказал Арсений. — И всякая плоть проходит.

— Некоторые проходят через таз, — заметил Морис.

Пит тихо закашлялся.

Арсений перевел на него взгляд.

Пит тут же выпрямился.

— Но это тоже путь, — спокойно добавил Арсений.

Морис хмыкнул.

— Вот и учи их. Только не дай им уснуть. Я после центрифуги и сам бы уснул.

— Сон иногда полезнее пустых слов.

— В твоем классе, Арсений, я всегда опасаюсь, что слова окажутся тяжелее камней.

— Слова и должны быть тяжелыми, если ими строят веру.

Морис несколько секунд смотрел на него, потом тронул металлический глаз.

— Львы, садись. И помните: если я узнаю, что вы не слушали, завтра снова покрутитесь. Для закрепления.

Пит посмотрел на Бенни.

— Он шутит?

Бенни уже знал, что на этот вопрос лучше не отвечать.

Курсанты расселись за партами.

Бенни сел рядом с Фером. Перед ними расположились Пит и Фома. Оливер сел сбоку, ближе к стене, и сразу положил руки на стол, будто боялся, что его снова куда-нибудь пристегнут.

Парты были гладкие, светлые, с тонкими темными полосами по краям. Бенни провел ладонью по поверхности. Она была прохладной. Он почувствовал, как ПЕК на руке касается стола, и подумал, что железке, наверное, все равно, где находиться: на тренажере, на плацу, в центрифуге или на парте. У нее не кружилась голова. Она не боялась. Она просто светилась.

«Ты — мои вериги», — подумал Бенни, глядя на синий огонек. — «Но почему вериги светятся синим? Разве у святых вериги светились?»

ПЕК молчал.

Диакон Арсений поправил очки на цепочке.

В классе стало тихо.

— Сегодня, — сказал он, — мы будем говорить о Великом Расколе.

Его голос был негромким. Но Бенни слышал каждое слово так ясно, словно Арсений стоял прямо у него за плечом.

— О времени, когда Церковь была единой. О времени, когда люди еще не знали, насколько далеко может завести человека его собственная гордыня. О времени, когда неверные отвернулись от Веры, отделились от Церкви и улетели в пустоту.

Слова «улетели в пустоту» прозвучали странно.

Бенни видел город с горной тропы. Он видел белые коридоры. Видел в комнате карту звездного неба, которую поначалу принял за украшение стола. Но все равно пустота оставалась для него чем-то непонятным. Пустота — это когда в мешке нет зерна. Когда в амбаре нет запасов. Когда на поле после засухи ничего не выросло.

Как можно было улететь туда, где ничего нет?

Арсений медленно посмотрел на потолок, будто обращался к святым на иконах.

— В те дни люди забыли страх Божий, — продолжил он. — Они решили, что им мало земли, данной Вседержителем. Им стало мало храмов, городов, дорог, полей и рек. Им показалось, что за пределами мира есть нечто лучшее. Нечто, что они смогут взять себе без благословения Церкви.

Он поправил очки.

— Они сказали: «Мы хотим видеть дальше, чем видит Церковь. Мы хотим идти туда, куда Церковь не ведет. Мы хотим улететь в пустоту и найти новые земли».

Пит медленно наклонился к Фоме.

— Новые земли — это хорошо, — шепнул он. — Там, может, каша другая.

Фома не посмотрел на него.

— Если земли новые, там надо сначала узнать, что растет.

— А если там ничего не растет?

— Тогда плохая земля.

Фер толкнул Пита локтем.

Пит сразу уткнулся в стол.

Арсений, кажется, услышал, но не сделал замечания. Он продолжал говорить тихо, и от этого его слова казались еще страшнее.

— Неверные построили великие корабли. Они наполнили их людьми, железом, машинами, припасами и своими гордыми надеждами. Они ушли в темноту, уверенные, что темнота станет им домом.

Бенни представил корабли.

Не такие, как рыцарские корабли из рассказов. Те были священными, украшенными гербами, несущими веру и огонь против врага. Эти корабли Арсений описывал иначе. Они были большими, но неправильными. Внутри, наверное, сидели люди, похожие на него, только без

молитвословов, без отца Фара, без икон над кроватями. Они смотрели в пустоту за окнами и думали, что найдут там землю.

«Как можно быть такими глупыми?» — подумал Бенни.

И почти сразу почувствовал жалость.

Ведь если люди улетели, значит, они чего-то искали. Может быть, у них дома было плохо. Может быть, им не хватало еды. Может быть, они думали, что за темнотой есть поля, где огурцы растут сами, а церковный налог не забирает большую часть урожая.

Эта мысль показалась ему опасной.

Он быстро отвел взгляд от окна, за которым не было ничего, кроме белой стены.

Арсений продолжал.

— Они не нашли земли. Они нашли холод. Они нашли тьму. Они нашли смерть.

В классе было тихо.

— Многие погибли. Другие озлобились. Третьи перестали молиться. А те, кто выжил, передали свою гордыню детям. Так родились враги Веры. Так пустота стала их домом. Так они стали неверными.

Бенни слушал.

Он знал похожую историю из рассказов отца Фара. Но отец Фар рассказывал ее у огня или после службы, когда дети уже устали и сидели тихо. Там неверные казались далекими чудовищами, почти сказочными. Они жили за звездами, носили странные одежды и не кланялись иконам.

Здесь же Арсений говорил о них так, словно они были настоящими. Словно они все еще находились где-то рядом, за белыми стенами академии, за городом, за небом, в той самой пустоте.

Бенни посмотрел на изображение святого с маленьким кораблем в руках.

«А если корабль может быть святым, — подумал он, — значит, не все корабли плохие».

Он не успел испугаться своей мысли, потому что диакон Арсений произнес:

— Запомните: зло начинается не с меча. Зло начинается с вопроса, который человек ставит выше ответа, данного ему Верой.

Бенни замер.

У него возник вопрос.

Он появился сам, как сорняк, который вылезает между огуречными плетями именно там, где ты вчера все тщательно прополол. Бенни пытался его не замечать. Но вопрос рос.

Если неверные улетели потому, что хотели увидеть дальше, чем видит Церковь, то почему вообще можно было построить корабль, который улетает? Почему на карте в комнате Бенни были звезды? Почему рыцарские корабли тоже, как говорили, ходят в пустоте? Если пустота — только холод и смерть, зачем туда летят верные?

Вопросы толкались в голове.

Он чувствовал, как ПЕК на руке слегка пульсирует. Или это был его собственный пульс.

«Не спрашивай», — сказал себе Бенни.

Но один вопрос оказался сильнее.

«А зачем они улетели, если там ничего нет?»

Он поднял руку.

Это произошло почти без его воли.

Фер рядом резко повернул голову. Пит на передней парте застыл. Оливер даже перестал перебирать пальцами край стола. Фома медленно посмотрел назад через плечо, будто хотел понять, зачем Бенни собирается сделать то, что явно не связано с едой.

Диакон Арсений замолчал.

Он посмотрел на поднятую руку Бенни с удивлением.

В классе стало так тихо, что Бенни услышал, как где-то в стене едва заметно работает воздух.

— Бединуччи, — тихо сказал Арсений. — Что ты хочешь спросить?

Бенни почувствовал, как лицо начинает гореть.

Теперь, когда все смотрели на него, вопрос показался глупым. Но рука была поднята, и опускать ее без слов казалось еще хуже.

Он встал.

— Диакон, — сказал Бенни. — А зачем они улетели, если там ничего нет?

Арсений не ответил.

Он медленно снял очки, протер стекла тканью, которая лежала у него на кафедре, и снова надел. Потом посмотрел на Бенни.

Его глаза не были сердитыми.

Это оказалось страшнее.

— Вопросы, — произнес Арсений, — это сомнения. А сомнения — это грех.

Бенни почувствовал, что у него похолодели пальцы.

— Я не сомневался, диакон, — быстро сказал он. — Я просто хотел…

— Ты просто хотел усомниться.

Голос Арсения не повысился.

Но слова упали на Бенни, как тяжелая крышка.

— Ты хотел понять то, что уже объяснено Верой. Ты хотел поставить свое маленькое знание выше священной истории. Ты хотел спросить: а может быть, неверные были правы? А может быть, пустота не пуста? А может быть, Церковь чего-то не знает?

— Нет! — вырвалось у Бенни.

Он так испугался, что голос прозвучал громче, чем он хотел.

— Я не хотел. Я просто… я не понял.

Арсений долго смотрел на него.

— Непонимание не дает права спрашивать, — сказал он. — Непонимание дает право молиться.

Бенни опустил голову.

Внутри все сжалось.

Он вспомнил центрифугу. Невидимую силу, которая прижимала его к креслу. Сейчас происходило почти то же самое, только тело оставалось неподвижным. Его придавили слова.

— Ты хочешь стать грешником, Бединуччи? — спросил Арсений.

— Нет, диакон.

— Ты хочешь быть как те, кто улетел в пустоту?

— Нет, диакон.

— Ты хочешь, чтобы твоя душа оказалась в опасности?

— Нет, диакон.

Арсений поправил очки.

— Тогда молись. Молись, чтобы Бог простил тебе этот вопрос.

Бенни стоял.

Ему хотелось сказать, что он не хотел грешить. Что вопрос пришел сам. Что он не думал, будто неверные правы. Он вообще не понимал, как можно быть правым без Веры. Но слова больше не появлялись.

— На колени, — сказал Арсений.

Бенни опустился на колени прямо у парты.

Пол был твердым и холодным.

Он сложил руки перед грудью.

— Читай молитву о защите души, — велел Арсений.

Бенни начал.

Сначала слова путались, как в центрифуге. Он чувствовал, что все смотрят. Особенно Фер. Особенно Пит. Особенно Морис, который, оказывается, все еще стоял у двери и молчал.

Но потом молитва потекла ровнее.

Он повторял знакомые слова. Просил о прощении. Просил убрать из сердца гордость. Просил не дать ему думать то, чего думать нельзя. Просил сохранить его душу от сомнения.

Чем дольше он молился, тем сильнее ему хотелось понять, почему вопрос оказался таким страшным.

И чем сильнее хотелось понять, тем усерднее он молился, потому что желание понять теперь тоже казалось грехом.

«Я — как Фома, — подумал он, стоя на коленях. — Я — как Оливер. Я — как все они. Мы те, кто делает. Мы не те, кто спрашивает».

Эта мысль была одновременно утешительной и тяжелой.

Утешительной — потому что не надо было самому решать, что правильно. За тебя уже решили люди, которые знают больше.

Тяжелой — потому что где-то глубоко внутри оставалось маленькое зернышко вопроса, и Бенни боялся, что оно однажды прорастет.

Он молился еще усерднее.

Когда Арсений наконец сказал:

— Довольно.

Бенни не сразу смог подняться.

Колени затекли. ПЕК упирался в кожу. Сердце стучало, как после бега. Фер тихо придвинул ногой его стул, чтобы Бенни мог сесть.

Бенни сел.

Он не смотрел ни на кого.

Диакон Арсений повернулся к классу.

— Запомните, — сказал он. — Вопросы — это сомнения. Сомнения — это грех. Если ты сомневаешься, ты не веришь. А если ты не веришь, ты как те, кто улетел в пустоту.

Он посмотрел на Фера.

— Эйоушентуочсон. Ты понял?

Фер встал.

— Я не задаю вопросов, диакон. Я просто делаю.

Арсений кивнул.

— Ты хороший солдат.

Фер сел.

Бенни услышал эти слова и почувствовал, как ему одновременно стало легче и тяжелее. Фер был хорошим солдатом, потому что не спрашивал. Значит, Бенни должен был научиться не спрашивать тоже.

Но почему тогда внутри так болело?

Центрифуга уже не вращалась.

А боль осталась.

Часть четвёртая

После того как Бенни сел, диакон Арсений еще некоторое время не начинал говорить.

Он стоял за кафедрой, положив сухие старческие ладони на ее гладкий край, и смотрел поверх голов курсантов куда-то в дальнюю стену. Казалось, он видел там не белую академическую поверхность, а нечто другое: древние города, давно сгоревшие храмы, людей, которые уходили в темноту на огромных кораблях и больше не возвращались. Его длинная борода неподвижно лежала на груди, цепочка очков тихо блестела, а выражение лица оставалось спокойным, но именно это спокойствие не давало Бенни успокоиться.

Если бы Арсений накричал, как Морис, все, вероятно, было бы проще.

Крик можно было переждать. Крик был похож на летнюю грозу: гремит, бьет по крышам, пугает детей и животных, но потом уходит за поле, оставляя мокрую траву и запах земли. А тихий голос диакона оставался внутри. Он ложился на мысли, как мелкая пыль на церковные иконы, и казалось, что ее невозможно стереть одной только ладонью.

Бенни смотрел на парту.

Ему хотелось спрятать под ней руки, чтобы никто не видел, как он снова трогает ПЕК. Но это движение уже стало почти привычным, и он не заметил, как большой палец медленно прошел по краю железки. ПЕК был прохладным и гладким, а синий огонек на нем светился ровно, безо всякого осуждения.

«Ты все записал?» — подумал Бенни.

Ему стало страшно от этой мысли.

Конечно, ПЕК все записал. Фер говорил, что устройство записывает, что человек делает, ест, говорит и, может быть, даже сколько раз моргает. Значит, оно записало и его вопрос. Оно записало, как он стоял. Как отвечал Арсению. Как становился на колени. Как молился.

«А если оно записало, что я сомневался?»

Бенни быстро перекрестился.

Нет, он не сомневался. Он просто не понимал. Но Арсений сказал, что непонимание не дает права спрашивать. Непонимание дает право молиться. Значит, нужно было молиться.

Он попробовал читать про себя короткую молитву о сохранении чистоты сердца, но слова почему-то не шли. Перед глазами стоял не святой лик, не домашняя церковь и не знакомый темный алтарь на сервоприводах, который брел между грядками, когда на деревню наложили епитимью. Перед глазами стоял образ людей в огромных кораблях, улетающих в пустоту.

Бенни представил их.

Они, наверное, тоже сидели в тесных железных капсулах. Может быть, в их кораблях были ремни, похожие на те, что в центрифуге. Может быть, их тоже прижимало к креслам, когда корабль начинал движение. Может быть, там плакали дети. Может быть, кто-то спрашивал, куда они летят и почему нельзя остаться на земле.

«Но они были неверными», — твердо напомнил себе Бенни.

Он не должен был жалеть неверных. Жалость могла быть опасной, если она становилась похожей на оправдание. А оправдание было первым шагом к сомнению.

Он сжал пальцы.

«Господи, прости меня. Я не хочу быть как они. Я хочу верить».

Диакон Арсений наконец повернул взгляд к классу.

— Великий Раскол, — произнес он тихо, — не был одним днем и одной ночью. Он не случился оттого, что кто-то один встал посреди храма и крикнул, будто Вера больше не нужна. Такое было бы слишком просто, а простые грехи редко бывают самыми страшными.

Он поправил очки на переносице.

— Раскол начинался с маленьких уступок. С желания сделать молитву короче, потому что человек устал. С желания не слушать наставника, потому что человеку казалось, будто он знает лучше. С желания сохранить себе то, что должно быть отдано Церкви. С вопроса: «А почему именно так?»

Последние слова он произнес без всякого нажима.

Однако Бенни вздрогнул.

Он почувствовал, как Фер рядом чуть сдвинул руку по столу, почти коснувшись его пальцев, но не прикоснулся. Это было хорошо. Бенни не хотел, чтобы его жалели. Он сам не знал почему, но жалость показалась бы ему хуже наказания. Если Фер пожалел бы его, то вышло бы, что он действительно был слабым. А он не хотел быть слабым. Он хотел быть хотя бы таким, каким должен быть кадет.

Арсений продолжал:

— Люди, отделившиеся от Церкви, поначалу не называли себя врагами. Никто не называет себя врагом в первый день. Они называли себя свободными. Они называли себя ищущими. Они говорили, что хотят больше света, больше знаний, больше земли для своих детей. Они говорили, что Церковь слишком долго смотрит назад и не хочет смотреть вперед.

Он поднял голову к потолку.

— Но человек, который смотрит вперед, отвернувшись от Бога, видит не дорогу. Он видит пропасть.

Бенни подумал о горной тропе, по которой его вели к зданию, оказавшемуся капсулой. Тогда справа был обрыв, а внизу лежал огромный город. Он шел, стараясь смотреть под ноги, потому что, если посмотреть в сторону слишком долго, голова начинала кружиться.

Наверное, неверные тоже посмотрели в сторону.

Только не отвернулись вовремя.

— Они строили корабли, — рассказывал Арсений. — Они собирали запасы. Они учили своих детей смотреть не на иконы, а на чертежи. Они учили их не повторять молитвы, а рассчитывать путь. Они верили не в волю Вседержителя, а в силу своих машин. И машины послушались их.

В классе было тихо.

Даже Пит не шевелился.

— Корабли ушли, — сказал Арсений. — Тысячи и тысячи людей поднялись над землей. Они смотрели вниз и думали, что оставляют позади старый мир. Они думали, что свободны. Но от Веры нельзя улететь. От Господа нельзя спрятаться за железной стеной. От собственной души нельзя скрыться даже в самой далекой пустоте.

Бенни слушал и вспоминал белый стол с картой звездного неба. Там были названия, которые он прочел: «Станция Терра» и «Лунасити». Тогда он решил, что это просто украшение. Красивый рисунок, который сделали мастера для богатого дома. Потому что до луны долететь было невозможно. Человеку была дана земля, и надо было быть благодарным за землю.

Но теперь выходило, что люди все-таки летали.

И рыцари летали.

И неверные улетели.

В голове опять начали появляться вопросы.

Почему одни корабли были священными, а другие — проклятыми? Почему нельзя было строить корабли без благословения, а с благословением можно? Как Господь отличал один железный корабль от другого, если оба были сделаны из железа, оба летели в пустоту и оба несли внутри людей, которые могли бояться, плакать, есть кашу и хотеть домой?

Бенни почувствовал, как сердце опять ускоряется.

Он быстро опустил глаза и стал шептать про себя:

«Господи, отведи от меня ненужные мысли. Господи, не дай мне спрашивать. Господи, дай мне делать».

Слова шли неровно. Они не приносили покоя, но он продолжал.

Арсений рассказывал дальше.

Он говорил о первых кораблях неверных, о великих семьях, которые целыми родами уходили в темноту, о людях, продававших дома и поля, чтобы купить место на железной ладье. Он говорил о тех, кто оставался на земле и видел, как ночное небо загорается новыми огнями, а потом один за другим огни исчезают.

— Оставшиеся молились за них, — сказал Арсений. — Церковь молилась за них. Патриархи посылали к ним священников, проповедников, даже рыцарей. Им говорили: вернитесь. Вам будет прощено. Смиритесь, и Господь примет вас обратно.

Он медленно покачал головой.

— Но гордый человек не любит возвращаться. Он скорее замерзнет в пустоте, чем признает, что ошибся.

Бенни представил человека, который замерзает в пустоте.

Он никогда не видел настоящего холода, кроме зимних ночей, когда вода в ведре покрывалась тонкой коркой льда, а мать заставляла всех детей спать ближе друг к другу, чтобы не тратить лишнее топливо. Но пустотный холод, как назвал его Арсений, должен был быть во много раз страшнее. Там не было печи. Не было одеяла. Не было даже стены, за которую можно спрятаться от ветра.

Там была тьма.

Бенни снова почувствовал жалость.

И снова подавил ее.

«Они сами выбрали», — сказал он себе.

Но если человек выбрал ошибку, разве от этого ему становилось не больно?

Он не знал.

И не хотел знать.

Диакон Арсений словно услышал его невысказанную мысль.

— Некоторые из неверных погибли сразу, — сказал он. — Их корабли рассыпались, не выдержав пути. Другие добрались до дальних земель. Они построили там города, вырастили детей, создали свои законы. Но Веры у них не было. А без Веры даже самый богатый город — это просто большая пустая коробка, где люди боятся друг друга.

Бенни подумал о городах.

Он видел один город сверху, огромный, сияющий, с высокими домами и ликами святых на стенах. Этот город не был пустой коробкой. В нем жили служители, кадеты, диаконы, архидиаконы. В нем были кухни, где варили кашу, классы, тренажеры, залы с центрифугами, ПЕКи, которые открывали двери. Все это было большим и страшным, но не пустым.

Наверное, потому что над всем этим была Церковь.

Арсений говорил:

— Неверные не перестали быть людьми. В этом и есть их проклятие. Они помнят, кем могли бы быть. Они знают, что когда-то были частью единой Церкви. Поэтому они ненавидят нас. Поэтому они хотят уничтожить то, что напоминает им об утрате.

Слово «уничтожить» неприятно кольнуло Бенни.

Он вспомнил Пэйшенс Брин и ее урок о ранах, о крови, о воздухе, который может закончиться. Вспомнил Мориса, который говорил, что будущий скитарий должен уметь не умереть от того, что хочет его убить. Вспомнил центрифугу, в которой тело его не хотело слушаться.

Значит, все это было не просто так.

Где-то там, за пустотой, за темными дорогами, за великими кораблями, находились люди, которые могли захотеть их убить.

От этой мысли Бенни стало холодно.

Он осторожно посмотрел на Фера.

Фер сидел неподвижно, слушал очень внимательно. Его лицо было серьезным. Только палец снова и снова касался нашивки, как будто Фер искал в ней опору.

Пит сначала смотрел на Арсения, потом начал разглядывать икону с кораблем. Он чуть наклонил голову и, похоже, пытался понять, куда именно на картине летит судно. Фома сидел, сцепив руки на животе. По его выражению невозможно было понять, думает ли он о великом расколе, о неверных или о том, когда будет следующий прием пищи.

Оливер слушал так, будто каждое слово диакона могло стать для него спасением или наказанием. Его лицо после центрифуги все еще оставалось бледным, но глаза были широко раскрыты.

Арсений говорил о неверных, которые не знали молитв. О детях, которых учили не поклоняться иконам. О городах, где якобы не было храмов. О кораблях, где люди доверяли железу больше, чем Вседержителю.

Бенни не мог себе представить город без храма.

В деревне храм был маленький, с низким потолком и потемневшими досками пола, но без него деревня не была бы деревней. Вокруг храма проходили праздники, в нем читали важные объявления, у его стены собирались торговцы, там отец Фар учил детей грамоте и правильному поведению. Если бы храма не стало, куда бы все ходили молиться? Где стоял бы отец Фар? Кто бы напоминал, что надо отдавать налог, не спорить со старшими и не купаться вместе мальчикам и девочкам после десяти лет?

Город без храма был похож на дом без крыши.

Вроде бы стены стоят, но жить нельзя.

— Они говорили, что человек сам себе хозяин, — произнес Арсений. — Но человек, который сам себе хозяин, очень скоро становится рабом своих желаний. Ему хочется больше еды, больше денег, больше земли, больше власти. Он перестает видеть ближнего. Он перестает помнить о долге. Он начинает думать, будто смерть его не касается.

Фома слегка поднял руку.

Бенни испуганно повернул к нему голову.

Фер тоже заметил и незаметно качнул головой, предлагая не делать этого. Но Фома уже поднял руку выше.

Диакон Арсений посмотрел на него.

— Лур?

Фома встал.

— Диакон, — сказал он. — А больше еды — это всегда плохо?

Пит тихо зажмурился.

Оливер перестал дышать.

Бенни почувствовал, как сердце опять опускается куда-то в живот. После его вопроса он не мог поверить, что Фома решился спросить еще что-то. Тем более про еду. Казалось, сама история еще не успела отпустить Бенни с колен, а теперь Фома поднимал новую беду, большую, круглую и тяжелую.

Арсений смотрел на Фому.

Несколько секунд он молчал.

Потом его пальцы медленно поправили очки.

— Больше еды, — сказал он, — плохо тогда, когда человек хочет взять ее себе, не думая о тех, кому тоже положено есть.

Фома подумал.

— А если всем хватит?

Арсений помолчал чуть дольше.

— Тогда это не жадность. Тогда это благословение урожая.

Фома кивнул и сел.

— Понял.

Пит наклонился к нему и едва слышно прошептал:

— Ты сейчас был очень близко к греху.

Фома посмотрел на него.

— Я спрашивал про еду.

— Вот именно.

Бенни не знал, нужно ли ему бояться или радоваться. Арсений не наказал Фому. Значит, вопросы иногда все же можно было задавать? Или вопрос Фомы оказался разрешенным, потому что касался еды и не касался Веры? Но разве еда не была частью Веры? Они молились

перед каждой трапезой. Хлеб называли даром. Пост был важным делом. Получалось, границу определить было трудно.

Бенни снова почувствовал, как маленькое зернышко вопросов ворочается внутри.

Он заставил себя не думать.

«Не мое дело. Арсений знает. Морис знает. Фер знает, как не спрашивать. А я буду учиться».

Диакон Арсений продолжил урок, словно ничего особенного не произошло.

Он рассказал о великих битвах после Раскола. О рыцарях, которые шли в пустоту под знаменами Церкви. О скитариях, сопровождавших своих сеньоров. О кораблях, которые возвращались с пробоинами, обгоревшими гербами и именами погибших на бортах.

Когда Арсений произнес слово «скитарии», Бенни выпрямился.

Он представил себя рядом с рыцарем. Не в сером комбинезоне, не с грязью на сапогах, не после позорного стояния на коленях, а в настоящем снаряжении. Может быть, с оружием. Может быть, на корабле, где стены гудят, а за маленькими окнами лежит черная пустота.

Ему стало страшно.

Но в этом страхе было и что-то другое.

Как будто он стоял на краю поля, куда еще не заходил, и видел, что за высокой травой начинается большая, незнакомая дорога.

Арсений рассказывал:

— Скитарий не должен спрашивать, почему сеньор идет туда, куда идет. Скитарий должен идти рядом. Скитарий не должен спорить, когда сеньор приказывает держать линию. Скитарий держит линию. Скитарий не выбирает, кого ему защищать. Он защищает того, кто поставлен над ним.

Бенни подумал о лопате.

Фер говорил: «Мы — их орудие. Как меч, как лопата. У лопаты нет вопросов — она просто копает».

Тогда эти слова испугали его.

Сейчас они показались частью чего-то большого и страшного. Лопата не знает, зачем копает яму. Но яма может быть нужна для дерева, для колодца, для столба, для могилы. Лопата не выбирает. Она просто делает.

«Я — лопата», — подумал Бенни.

Ему не понравилось это сравнение.

Но он повторил его про себя еще раз, потому что оно помогало не спрашивать.

«Я — лопата. Я копаю там, где велят».

И тут он представил огуречную бахчу. Отец стоит у края грядки и говорит, где копать канаву, чтобы вода дошла до нужных плетей. Бенни берет лопату и копает. Он не спрашивает, почему именно здесь. Он видит, что отец знает поле лучше. Если бы каждый начал копать там, где захочет, вода ушла бы в пустое место, а урожай погиб бы.

Это было понятно.

Значит, может быть, академия тоже была полем.

А Морис, Арсений и все старшие знали, куда должна идти вода.

Эта мысль успокоила Бенни, хотя совсем ненадолго.

Потому что потом он вспомнил зеленых курсантов, стоявших без еды. Вспомнил красные огоньки ПЕКов. Вспомнил людей, которые не пережили первое испытание в падающей капсуле. Вспомнил, как кто-то хрустнул костями в темноте.

На поле, если огурец погибал, его просто снимали с плети и выбрасывали.

Бенни не хотел быть огурцом, который выбрасывают.

Он выпрямился еще сильнее.

Арсений говорил долго.

Он говорил о том, что каждый кадет должен помнить, ради чего проходит боль. Что центрифуга, тренажеры, бег и учеба не являются просто наказанием. Они нужны, чтобы однажды, когда придет час, человек не дрогнул. Чтобы рыцарь мог положиться на своего скитария. Чтобы Церковь могла положиться на рыцаря. Чтобы Вера не погасла там, куда неверные принесли холод.

— Великий Раскол не закончился, — сказал он наконец. — Он продолжается в каждом сердце. Каждый раз, когда вам хочется сказать: «Я сам знаю лучше», в вас говорит неверный. Каждый раз, когда вам хочется спросить: «А почему я должен?», в вас приоткрывается дверь в пустоту. Каждый раз, когда вы выбираете долг, а не желание, вы закрываете эту дверь.

Бенни почувствовал, как по спине пробежал холод.

Он вспомнил свой вопрос.

«А зачем они улетели, если там ничего нет?»

Вот она, дверь в пустоту.

Маленькая, почти незаметная. Но если открыть ее, то потом, может быть, уже не получится закрыть.

Он сжал ПЕК.

«Господи, не дай мне открыть ее».

Урок закончился не звонком.

Арсений просто замолчал. Потом сложил руки перед собой и склонил голову.

— Помолимся, — сказал он.

Все встали.

Бенни поднялся вместе с остальными. Колени после наказания еще немного ныли. Он сложил руки, опустил голову и слушал, как Арсений произносит молитву о единстве Церкви. Молитва была ему незнакома. В ней говорилось о множестве путей, которые должны сходиться к одному свету, о людях, которые могут быть разными, но не должны отступать от веры, о кораблях, несущих священное слово через тьму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.